

В. БУБАН

Бубан и Скротин

В. БУБАН

ББК-Р4 (Рос.-Рус.)
М-12

Владимир МАЗИН. *Бубен и скрипка*. Избранная лирика.
М., «Московский Парнас», 2001, 208 с.

В книгу избранной лирики нижевартовского поэта Владимира Мазина, недавно отметившего свое 50-летие, включены стихи из сборников разных лет: «Пристань радостей и печалей» (1997), «Ларьякский голос» (1998), «Вихрастое золото» (2000), «По собственной гамме» (2001), а также новые стихи, опубликованные в периодике.

«Московский Парнас» рекомендует сборник одаренного автора самому широкому читателю.

Книга издана по заказу администрации муниципального образования города Нижневартовск на средства городского бюджета.

*Глава муниципального образования города —
Юрий Иванович ТИМОПЬКОВ.*

ISBN 5-7330-0001-55

© В.А. Мазин. Стихи.
© Л.В. Ханбеков. Предисловие.
© Ю. Бычков, Н. Волик,
В. Довган, Х. Курмаев,
рисунки.

«ПО СОБСТВЕННОЙ ГАММЕ...»

I.

В начале 90-х годов, в Карелии, в Костамукше, выходил ежемесячник со смыслом, нахрапистым, в подражание московскому СМОУ* названием — «Молодой ений». Так вот сей ежемесячник** опубликовал полосу стихов нижевартовца Владимира Мазина с портретом и краткой врезкой, из которой, собственно, и узнать-то ничего было нельзя. Пожалуй, лишь то, что автор родился в Ханты-Мансийском автономном округе, окончил Высшую профсоюзную школу культуры в Ленинграде, живет в Нижневартовске и работает в клубе...

Но в одном, может быть, в самом неброском, небольшом стихотворении из этой подборки светились несколько строк, которые свидетельствовали и о судьбе, и о сознательно выбранной творческой дороге. Это стихотворение «В Гурзуфе»:

*В садах столетних привиденья
Меня встречают не страша,
И снова рвется к вдохновенью
Отягощенная душа.*

*Вослед мелодии рыбацкой
Спешу неопытным пловцом:
Свой голос пробую ларьякский
За крымским искренним певцом.*

Эге! Уж не за тем ли певцом, что, стоя на гурзуфском берегу, горько восклицал: «Прошай, свободная стихия!»?

* Союз Молодых Гениев - Л.Х.

** №12, за 1992 г.

И что это за... л а р ь я к с к и й голос? Географическое понятие? Народное обозначение?

Не важно. Важно, что оно прозвучало. Поэт захотел внедрить в сознание своих читателей не слишком благозвучное, но, видно, весьма дорогое ему словечко, своеобразный родовой талисман.

Много позже я узнал, что Ларьяк — древнее югорское село у реки Вах — притока Оби, что Ларьяк, по местному, — «люди заливных лугов»; что в этом селе, в интернате, прошло детство поэта, трудное, но радостное и открытое, горькое от недооценки и отсутствия родительской ласки, но согретое ранней устремленностью к творчеству, поощряемой чуткими сельскими учителями — настоящими самородками, ревнителями тяги к Слову, к песне, к самодеятельному танцу..

Юный Володя Мазин заливался соловьем в концертах школьной агитбригады, танцевал, читал стихи, сочинял частушки...

И теперь, через минувшие легкими облачками годы, он благодарно вспоминает в стихах эти свои увлечения. Впрочем, вспоминает и в прозе.

Тяга к сочинительству у него прорезалась рано.

...На один из уроков литературы, заменяя заболевшую учительницу, пришла к ним в класс молоденькая Рая Прасина, выпускница Ленинградского института им. А. Герцена. Пришла — и что особенного? Но урок начала уже как бы не она, хорошо знакомая Володе местная девушка, а совсем другой человек — одухотворенный, парящий над миром обыденности.

Строгий, изящный костюмчик на точеной фигурке оторочен беличьим мехом. Вдохновенное лицо. Блестят глаза. В руке — книжечка лирики.

— Урок не помню, — признается, волнуясь, Владимир Алексеевич, — Помню волшебнo звучащие стихи. Хантыка Рая Прасина читала наизусть русскую пейзажную лирику Пушкина, Тютчева, Фета... Меня покорило великолепное литературное произношение, тончайше ньюансы стихов, чудо передачи настроения...

Он решил признаться, что пишет стихи. Вечером уговорил матушку пойти в гости...

«Окно маленькой комнатки учительского барака выходило во двор, — заново переживает поэт свои чувства. — На невысокой тумбочке стояла радиолa, накрытая вышитой салфеткой. Топилась печь. Взрослые вели свои серьезные разговоры за кухонным столом. Мне было позволено негромко предаваться радостям общения с музыкальной техникой. Фонотека состояла в основном из грампластинок, на которых был записан репертуар популярных тогда певцов: Г. Великановой, Р. Сикоры, М. Бернеса и др. Кажется, уже выучил наизусть всю песню о Ленинграде «Мы ленинградцы с тобой по призванию, хоть не всегда в Ленинграде живем...», а все ставил и ставил иглу на начало песни.

Хозяйка заметила: «Понравилась? Хочешь — покажу ленинградский альбом?»*

В тот вечер он не решился почитать учительнице свои стихи. Не решился и в следующий. Но, видно, что-то подсказало той, что неспроста паренек так вслушивается в ее чтение, неслучайно просит сборники лирики, неслучайно выбирает песни, в которых слову не тесно, где оно звучит широко и вольно...

* Владимир Мазин. Лирическая память. «Новости Приобья», 22 ноября 1997 г.

Он не запомнил, когда именно признался, что пишет. Запомнил лишь, что она вручила ему тоненькую книжечку Адельны Адалис «Любите поэзию», которую он внимательно прочел «и которая на некоторое время отучила (...) от ежедневной привычки мараить бумагу, записывать все, что в голову взбредет...»**

Судьба еще не раз петляла: самостоятельность, хореография, учеба, конкурсы, руководство разными ансамблями, наконец, работа в школе, но поэзия уже не оставляла его...

2.

Для дипломной работы в институте Владимир выбрал творчество Василия Шукшина — решил изучить структуру образа, и как единодушно отмечали рецензенты, углубился в основном в речевые характеристики героев, их языковую полифонию. Наблюдения над тем, как выдающийся мастер современной прозы воссоздавал деревенский говор, как использовал различные приемы — от внутреннего монолога до разговорной транскрипции вместо грамматически правильного написания, от просторечья, нарушения лексических норм до идиом, вычитанных в классике, от городского сочного жаргона до газетных штампов и т.п. — все это, несомненно, откликнулось со временем в собственном творчестве поэта. К слову, доцент Н.Т. Дебряева в рецензии на дипломную работу студента Мазина уже рекомендовала его труд не только к защите, но и к публикации.

**Там же

И только в мае 1996 года Владимир Мазин получил коротенькое, но такое важное для него письмо:

«Уважаемый Владимир Алексеевич!

Внимательно познакомившись с Вашими стихами, предлагаю Вам вступить в Межклубную Угрюмскую писательскую организацию на правах члена актива молодых литераторов. Заявление пишете...»

Остальное можно было не читать. Потом, потом... Главное, что в его жизни самостийного провинциального литератора, кажется, наконец-то, наметился качественный сдвиг: его творчество признано профессионалами, — Сергей Сметанин, поэт, член правления местной писательской организации, несомненно, действовал от их имени, — и они приглашают его к себе, в свой круг. Поздновато, конечно, в «актив молодых» в сорок-то. Но что поделася? Такие нынче времена. Опубликовав первые свои стихи в 16-17 лет, он никому из местных «литературных генералов» не был нужен, никому не оказался интересен... Может, даже вызывал раздражение. Соперник!

Собственные неустанные бдения над чистым листом, чтение классики, уроки литературного объединения при Ленинградской газете «Смена», филологический факультет Ишимского пединститута — все оказалось напрасным. Работать, работать!

Написано много, напечатано мало. А ведь, кажется, даже первое опубликованное в пятнадцать лет стихотворение не так уж плохо.

Прошло всего несколько дней — и новое письмо из Сургута. Письмо, все от того же Сергея Сметанина, но уже как заведующего отделом художественной литературы Северо-Сибирского регионального книжного издатель-

ства. И снова несколько по-настоящему бодрящих, добродетельных слов:

«Рад сообщить вам, что подборка ваших стихов будет опубликована в полосе «Сибирская строфа». Намечено сделать это в начале июня. Стихотворение «И какое тебе дело...» оказалось у вас наиболее сильным. Оно, видно, и должно задавать уровень для остальных стихов. Это касается «Избушки», «Иду по улице знакомой...», «В балке накурено и душно...»»

О, сколь долго и мучительно мечтал он о таком простом и требовательном, критичном и доверительном, как и должно быть между коллегами, разговоре у себя дома, в Нижневартовске!

Рукопись пока еще была, он и сам понимал, рыхлой, ей надо было отлежаться, а ему, отстранясь, взглянуть на нее холодным взглядом оценщика какого-нибудь ломбарда, отбирающего изхлама и старья пригодные вещи. Одни предназначаются для длительного хранения, другие вполне могут пойти на продажу, только почистить их, отгладить, отпарить под раскаленным утюгом собственной требовательности, пришить оторванные в давке пуговицы...

Сергей Сметанин подсказывал пусть и не такой скорый, как хотелось бы, но верный путь.

Владимир Алексеевич взялся заново шерстить рукопись; стихи «Избушка», «Родословная», «Рыбак», «Маме», «Хантыйская мелодия» подверглись жестокой правке, чистке, переосмыслению...

И — о, счастье первой книжки! Для творца оно ни с чем не сравнимо. Только не всем, уж так водится, чу-

* Это, очевидно, в журнале «Югра» или в сборнике «Зори Самолора»

жое счастье доставляет радость. Критика порой была суровой, придирчивой, мелочной, несправедливой.

Года два назад, когда между нами наладилась регулярная переписка, я получил от Владимира Алексеевича, видно, уже задумывающегося о том, что в его жизни стремительно приближается первый знаменательный рубеж — пятидесятилетие, письмо, в котором были стихи с несколько странным для нынешнего времени названием «Зовущий амфибрахий»

*Послатъ бы тусовки блатные подальше
И праздновать редкую гордость в тиши!..
Ума бы побольше претензиям вашим
И наглости меньше в борьбе за гроши.*

*Я взял бы вас в наши высокие дали,
Где в тихой гармонии птицы поют -
Но вы бы им петь все равно помешали,
Лишенный приличий крикун-баламут...*

*По тайной дороге, по шепоту ветра,
По перистым стрелкам седых облаков
Легко добираться до старого кедра,
До чистых восторгов и новых стихов.*
(1999)

Чувствовалось, что местная критика, столько лет не жаловавшая поэта вниманием, вновь нанесла ему обидный укол.

Пытаюсь понять, чем же она руководствовалась? Пожалуй, неприятием однажды, еще в ранней творческой поре, недвусмысленно заявленной неизменной верности зову Родины. Не всей, необъятной, устремленной в «развитой социализм», в прекрасное светлое будущее и т.п., а своему Ларьяку, неказистому привах-

скому сельцу, чьи поросшие крапивой да лебедой дорожки всего милей и родней, чья пристань помнит уходявших на фронт отцов и привечает вдов, столько лет уже бесслезно, молча вглядывающихся в речную даль; чья разоренная колокольня укоризненно глядит на округу пустыми глазницами...

И все же не стареет его Ларьяк, он сквозь годы проплывает, как малое дитя, наивен и доверчив.

И беден, и забыт Ларьяк, как забыты многие таежные поселения хантов и русские рыбацкие поселки, он, поэт этих мест, никогда не изменит им, никогда не примет хищнического, варварского наступления на тайгу, сам же будет по-прежнему излечиваться разговором с Блоком, с классикой русского стиха, уходя в него «по шепоту ветра, по перистым стрелкам седых облаков...»

3.

Мне кажется, «критический лед» в родных местах сменил тональность, когда в сентябрьском (1999) выпуске местного журнала «Югра» с очерком о личности Владимира Мазина, поэта и самозабвенного исследователя истории хантов, о собственном, скажем так, несколько нестандартном открытии его характера (от первоначального неприятия к настоящей дружбе) выступил нижевартовский прозаик Николай Смирнов.

«...в нем национальное, ларьякское, естественно сливается с русским и даже всепланетарным, — убежденно, не один раз, подчеркивает автор очерка. — Обобщения его исходят от малых местных конкретностей, охватывают же многое. Он сын Ларьяка, но одновременно всей Земли,

взгляд его простирается далеко, мысль и чувства его постигают людские таинства, характерные для любых народов.

*Этот человек верно обходился «без подпорок». Я вначале и не подозревал, что он — ханты. Другие местные и дальние пророки только и подчеркивают, что обижены русским братом, требуют повышенного внимания. Как будто сами русские не нуждаются в этом. **

И еще, вот это, очень характерное для творческих людей, ревнивое признание чужого приоритета:

«Я когда-то занимался Лорьяком, писал сказы и повести о ваховской глубинке, не ведая еще о Мазине. Но когда прочитал его книги, вспомнил многое о бывшем райцентре (...) Редко кому так удается сконцентрировать внимание на истоках, так любить их, чувствовать. Ему это удалось вполне, повторяю, без спекуляций на хантыйское происхождение, он выше снисхождений со стороны «старшего брата», подчеркивает о самобытности лесной. Он — продукт цивилизации общечеловеческой».

Владимир Мазин сложившимся поэтом был давно, еще четверть века назад. В своем очерке «Дар живой струны»** я уже приводил тому убедительные примеры. Вернусь лишь к одному стихотворению двадцатилетнего поэта:

Мое село за чистыми снегами.

За речками,

озерами,

прудами...

Оно все ближе, ближе.

* Николай Смирнов. Под шум листопада. Ханты-Мансийск, «Югра», 1999 г., №9, С. 8-9.

** «Московский Парнас», М., 2000 г., испр. дополненное издание, 2001 г.

*И с годами
Не разучусь по-детски тосковать.
Единожды чужбиной увлечен,
Разлукой за неверностью осужден
Родимым именем полмира называть
Ларьякский незагаданный мой сон,
Моей полжизни боль
И благодать,
Где до сих пор зовет ребенком мать...
Зимой я буду вечно вспоминать
Оленей голубых на снежном насте
И поверять все будущее счастье
С привольной песней вахской тишины,
Где мне напутствия хорошие даны,
Куда вернуться
Из дальней стороны.*

«Мое село за чистыми снегами...» (1970).

При всей своей тематической «старомодности», оно свежо и современно, оно как бы перекликается со всей русской лирикой XIX-XX веков — с Сергеем Есениным и Василием Федоровым, Анатолием Пердреевым и Николаем Рубцовым... Оно интересно и знатокам стиха своей композицией, организацией, построением, ритмикой. В нем и мягкая грусть настроения, и музыкальность от внутренней рифмы, делающая и без того напевное стихотворение еще более звучным. Вчитаемся в заглавие: ожидаем удар двустрочной, а нет, нет, оказывается, все-таки трехстрочной строфы:

*...снегами
...прудами
...годами*

И финал, такой же обеспеченный, озвученный как бы медленно затихающей рифмой трехстрочной строфы:

...тишины

...даны

...стороны.

Все это — чуткость к слову, точная ритмика и свежая, «незаезженная» рифма, и свой неповторимый угол зрения, и мягкая, ненамужная грустинка, и некая ранняя житейская умудренность, философичность, стремление плыть в русле русской классической поэзии, в ее проблематике уже тогда, в семидесятых, жило в мазинских стихах. Образно переключаясь и с легким, воздушным, виртуозным Пушкиным, и мрачноватым, кажущимся надменным и холодным, со страстью, шемящей глубоко в душе, поручиком Тенгинского полка Лермонтовым, грустным, элегичным Баратынским, гневным и желчным порой от впитанной народной боли Некрасовым, бесконечно влюбленным в свои рязанские перелески и проселки, растворяющимся в рябиновых гроздьях и гулкой рани ясных утр над русскими полями Есениным, наш ларьякский лирик искал свой тон, свой почерк, свою стилистику — и стал узнаваемым, что удается далеко не всякому в нашей богатейшей отечественной поэтической традиции. Да, он привносил в русский стих хантыйскую этнографию, приметы, детали быта, истории своего древнего народа, да, он жил ими, гордился, пытался их осмыслить... Может, кого-то из его критиков и читателей несколько отпугивало именно это? Допускаю.

Но сегодня... сегодня, когда в поэзию хлынули грубость и расхристанность, именуемые ненормативной

лексикой, пошлость и цинизм, оправдаваемые электронным информационным полем и сексуальной революцией, когда на страницы «поэтических» книг выполняются стихи, разболтанный, как телега без хозяйского присмотра, когда тон задает выдаваемый за новацию авангард, модный на западе верлибр?..

Отчего же и сегодня сохраняется эта холодность критики? Почему не развеивается туман безразличия к судьбе истинного патриота и слуги своего края?

«Блатные тусовки...» делают успех и внимание публики — вот почему. Поэт же не откликается на модные темы. Не берет на вооружение язык улицы, хранит в чистоте чувство благодарной памяти краю, который взрастил и воспитал его. Пусть лирика не самое сильное и массовое оружие, именно им, тем, чем владеет он благодаря Творцу, поэт защищает не только экологию своего края, но и экологию исконной народной морали, народной нравственности.

Владимир Мазин все строже к слову, все строже к технике стиха, ответственнее и глубже в выборе тем. Он изучает историю Югории, ее фольклор, переводит стихи хантыйской поэтессы Марии Вагатовой, с головой окунается в общественное экологическое движение «Спасение Югры», — стихи же приобретают новую высоту и стройность.

В одном из писем (март 2000 г.) ко мне искренне признается:

«Мне чужды изыски, близка традиция. Очевидно, поэтому и наталкиваюсь на то, что Вы назвали «проходными строками». Но, согласитесь, писать просто, традиционно, куда сложнее, нежели заниматься выкрутками? Труднее всего добиваться простоты, за которой глубина... Мысль, содержательная сторона поэзии меня,

конечно, занимают, но все же больше чувствую необходимость и в малом быть понятым своими земляками. Для них же, а не для литературных снобов я в конце концов пишу. Конечно, иной раз против воли появляется некая усложненность — и не успеваю, не хватает сил выкорчевать ее...»

После выхода сборника «Пристань радостей и печалей» (1997), когда ларьякского районного стихотворца, как уничтожительно, а больше, ерничая от вечной неисправимой застенчивости, Мазин сам себя аттестовал, приняли в Союз писателей России, когда его стихи стали публиковаться во всех местных, нижевартовских, сургутских и тюменских газетах и журналах, когда появились первые московские издания: сборники лирики «Вихрастое золото» (1999, 2000), «По собственной гамме» (2001), говорить о Владимире Мазине, как о местном явлении, было бы и необъективно, и недальновидно. Мастерство поэта приобрело крепость, стабильность, из-под его пера уже не появляется стихов-однодневок, он не берет на вооружение случайных тем, которые снимаются с повестки дня очередным рассветом или закатом.

*Унижена, но все жива,
Мелодия старинных песен,
И достигают поднебесий
Тайги весенние слова.*

*...Перекричать мне не дано
Многоязычную эпоху,
Но лирика угодна Богу,
Лгать лирикам запрещено.*

(«Даровано мне слово...», 2000)

Если он не позволял обмануть «души, свободной от обид», благодаря сердечной поддержке своего доброго и отзывчивого рыбацкого да таежного рода, если коммунистический барак его юности не убил жажду песней своей соединить два пласта истории, два пласта бытования — предков и современников, то этой жажды не способно убить никакое новое коварство, до встречи с которым «рискованно мы не умнеем...»

Реакция поэта на то, что происходит в стране сегодня, язвительна и строга:

Снова торжище раскинуло рекламы:

Все вокруг меняют, продают...

В закутке торговой панорамы

Выбираю временный приют...

(«Снова торжище раскинуло рекламы...», 2000)

Разговор с читателем-потребителем отрезвляющ, как некогда пушкинский диалог с книгопролазом. Поэт не опускается в нем до обличения «перестроенной» яви, как исторического факта, до оправдания его или снисхождения к нему. Переходный период для жизни одного поколения мучительно и страшно затянулся. Однако поэт больше судит себя за то, что все это время он метался и мечется «между низким низким стилем и высоким», собирая «звуки, будто певчих птиц... в клетки незвучащие страниц...»

Стоит ли писать в это время, если слова попадают в... холодные клетки, если страницы... незвучащие? Стоит, ибо и в посетителе этого рекламного торжища, в которое нас окунули, Владимир Мазин видит прежде всего с в о е г о безвинного современника-земляка, и ему он готов высказать, вручить, доверить *«то, что передал Создатель... по звездной музыке в ночи»*.

И это вовсе не сужение панорамы, когда его конечная мечта — выйти «в небо Словом о Ларьякской сто-

ронсе», это еще одно признание в неизбывной любви к родному краю, еще одна клятва в верности дороге, которую выбрал.

В поэзии, как и вообще в искусстве, все решает не новизна факта, а новизна чувства. В свое время «Языческой поэмой», соединив в ней древнеугорский ритуал медвежьих игр с горечью от наступления «на мир чумов и оленьих упряжек» холодной и безразличной машинной цивилизации, блеснул на общесоюзном поэтическом небосклоне Юван Шесталов... Сегодня в этом ключе работают Еремей Айпин, Андрей Тарханов, Прокопий Явтысый...

Слив воедино самобытно-языческие и современные урбанистические потоки, Владимир Мазин еще в начале творческого пути, в 70-ых годах, обозначил полюса своего мироощущения.

*Звенел старинный бубен,
Не предвещая бедствий,
Среди тоскливых буден,
Где карневилось детство,
Где на крыле у кедра
Моя висела зыбка,
Душой владела щедрой
Возвышенная скрипка.
Не понимал ни слова
Из колыбельной мамы,
Но, видно, зарифмован
Я вдовыми слезами.
Порхали бубна ритмы
И скрипки перелеты
И продолжали жить мы
Под музыку кочевий.*

(«Звенел старинный бубен...», 1976)

Да, бубен и скрипка... Да, таежное урманное кочевье и след реактивного лайнера в небе над ним... Да, медведи, в страхе пятающиеся в глубь кедрача от рева громадины трелевочного трактора... Это реалии нашей жизни, и поэту никуда от них не уйти, если не закрывать глаза.

Книгой избранной лирики Владимир Мазин по праву входит в новые, более высокие слои литературной атмосферы. Она же и сегодня, как всегда, нуждается в самобытных голосах.

Леонид ХАНБЕКОВ

Март-апрель 2001 г.
г. Москва

«МОЕ СЕЛО ЗА ЧИСТЫМИ СНЕГАМИ,
ЗА РЕКАМИ, ОЗЕРАМИ, ПРУДАМИ...»

* * *

Давно валяюсь на родной траве
И облаком, как простыней, играю:
То скомкаю, то в клочья разрываю,
То приложу к горячей голове,
То по-мальчишески укроюсь весь,
Изображая то, что не увижу.
Лицо открою – видите: я выжил...
А, может быть, для родины воскрес.

1968

ШАЛОСТЬ

По улице пройду я
Сегодня босиком,
В полете кувыркаюсь,
Как будто невесом.

Висят над головою
То небо, то земля —
Наскучила серьезность,
Я брошу все, шала...

Под пятками упруго
Скользнули облака,
Трава задела чубчик,
Как будто свысока.

Парить вдоль горизонта
Приятнее всего...
Я упаду на берег
Ларьяка моего.

1975

* * *

Пора домой
за песнями и хлебом,
за чистыми словами
о любви.
Давно в застолье
с караваем не был
И с дедом побасенки
не травил.

У нас черемуха
цветет крылато,
и половодье
движется к крыльцу,
чтоб ухажер
умылся на закате,
размазав стыд
по юному лицу.

У нас под окнами
мерцает небо
и отражает месяц и свечу.
Хочу домой
за песнями и хлебом...
Об остальном,
пожалуй,
промолчу.

1978

* * *

Хороши ларьякские дорожки,
По краям крапива, лебеда.
На ветвях березовых сережки
Тянутся к блестящим проводам.
До работы двести метров ходу.
Я иду по дальнему кольцу.
Влажная весенняя погода
Моему селению к лицу.
От метеостанции до школы
Кедры хвоей тихо шелестят.
Не стареет мой Ларьяк веселый,
Он всегда, как малое дитя...

1978

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Нынче ветру
гнать золото с медью,
Серебро
перемешивать надо.
Наши кедры
глядят, как медведи,
На бесценный
порыв листопада.

По Сабунским обрывам
летают
Звуки волн
православного лада,
Над Ларьяком
лампада мерцает
Благовестницей
Божьего взгляда.

1979

* * *

Простонала древняя разлука
Тени с тенью. Будто твердолобых
Идолов языческих над Обью
Был удар. А далее ни звука...

На краю свободного молчанья
Высекаю камешками искры,
Их полет нечаянный и быстрый
Я люблю за странность бормотанья.

Снова страшно в темень до озноба,
И шипят ошпаренные брызги
Древней влаги. Высекаю бисер —
Мир костра на побережье злобы.

1991

ДОРОГОЙ ПРЕДКОВ

Я жил привольно и легко
В староугодном захолустье
И пил оленьё молоко,
И восхищался зимней грустью
Берёз на фоне сосняка,
В сугробах детство потерявших,
Где Вах – замерзшая река,
Над листопадом посмеявшись,
Сулила нартам дальний путь
До жаркой ярмарки в Ларьяке...
Там не позволю обмануть
В коммунистическом бараке
Души, свободной от обид
И не свободной от дороги,
Что под полозьями скрипит
Меж берегов, родных и строгих.

1997

* * *

«Солнце сходит на запад.

Молчалие.

Задремала мая суета.»

Александр Блок

Обезлюженной печалью
Все упреки отвелу
И за тенью вырочальной
Молчаливо побреду
Урезонивать обиды
Возле пристани родной,
Где, как оборотень-идол,
Кедр у заводи речной,
Опрокидывая время
На притихшую волну,
Потешается над всеми,
Не торопится ко дну
С кручи берега; в курьезы
Шлет на вечную спираль
Через разные угрозы
Упраздненную печаль.
Памятью высокой кроны,
Что в ночи недалеко,
Ваховские автохтоны
Утешают земляка...
Плотью дух встревожу трижды,
В круге каждом помолюсь.
И, лучи рассвета выждав,
В дни прилюдные вернусь.

1997

Я РЫБАЦКОГО ПЛЕМЕНИ СЫН

Родился и вырос в селе,
Похожем на старую лодку,
Шагал по родимой земле,
Но твердой не нашёл походки.

Речушки, озера влекли
Опасностью бурной водицы.
Спасибо, Ларьяк, что могли
Мы здесь рыбаками родиться.

Мальчишек причал привечал,
Где волны плели небылицы,
Где дедушка нас приучал
К седому теченью Быстрицы.

Я так далеко уплывал,
Избу оставляя на время!
Под звездами там ночевал,
Где отчее славилось племя.

1997

УБЕГАЮ К ИСТОКАМ

Желтоклювое утро
 все звезды склевало,
Заревые крыла
 распластав под лесами,
Где я до заката
 босыми ногами
Отмеривал даль,
 не искавши привала
При царстве теней
 в кедраче у сабунских
Болотистых мест,
 где мудро смеются
Прибрежные волны
 и старчески льются
Над временем новым,
 беря в опекунство
На долгие годы слияние света,
Бегущего в тени
 за прытью мальчика,
Во мне отражая
 обличье отца
По главным,
 родимым,
 хантыйским приметам.

1998

ДЕТСКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Березы оголенные
Гнут тонкие тела
И кедрачу зеленому
Шлют вести вдоль села:
Защитою надежною
Не допусти пургу...
И долго храму Божию
На тихом берегу
Моей Ларьякской пристани
Все кланяются по –
Старушечьи неистово,
Забывши про сельпо,
Откуда сплетни носят
И хлебный пар валит,
И шумно в нарти просятся
К зиме торговый сбыт.
По бездорожью лютому
На стойбище, к своим,
Оленьими маршрутами
Торопимся.
Летим.

1998

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Рассмеши меня, удача,
Рассмеши. А то тоска,
Как слепая незадача,
Больно тычется в бока.
Ни налево, ни направо
И вперед идти нельзя?..
Ах, не пятиться же, право,
Самому себе грозя?

Не укрою, не запрячу
Ожидание свое,
Только год за годом трачу,
Ибо силушку дает
Ветер снежного покрова
Полноводных наших рек,
Ветер ягодного зова
Позолоченных засек.

Не смеши меня, удача,
Не смеши, оставь, пока
Все долги не отбатрачил
У родного говорка
На вечерочке запевной,
На покосе, в обласке,
Посреди родной деревни,
В полусонном сосняке...

1999

* * *

Над озером большим
К берестяным избушкам
За солнышком бежим
И тени добродушно
Осокой режем вновь,
Где росы будут плакать
Про первую любовь
И о Большом Ларьяке,
Где на зарю смотреть
Мы будем до затемья,
Развесив нашу сеть;
Где соберутся семьи
У летнего костра
Отведать подавушки.
И снова, как вчера,
Сосновые верхушки
Потянутся к луне,
Выплескивая души
Девчонок и парней,
Порадивших ужин.
Склонится Млечный путь
К берестяным избушкам,
Опять не дав заснуть
Тоскующим кукушкам.
Свет селины во тьме
Над влагою болотной
Напомнит о зиме,
От старости свободной.

1999

ОЖИВШАЯ ДРЕВНОСТЬ

К обряду древнего костра
Ватага резвых ребятишек
В нарядах красочных с утра
Стремится к старине поближе.

На праздник радостный Вороны,
По снегу талому шуруша,
Хантыйские торопят жены
Меня и сына-крепыша.

В сюжете праздника, от предков
Едва понявши, что к чему,
Как оживающие ветви,
Мы проводить спешим зиму.

Воспоминания встревожим
И по наитию души
О жизни дедов песню сложим,
Лоск города отшелушив.

Нас сызмальства учили петь
О старом Ваховском причале,
Где солнца золотую сеть
Вороны сотни лет встречали.

Гордиться новою весной
Пришли хантыйские мужчины,
И с деревенскою родней
Мы укрепляем братовщину.

Я рядом с теми, кто подрос
До понимания былого,
К улыбке жаждущей поднес
Немного жаркого спиртного.

Закусочная строганина
Нутро веселое знобит,
Поодадь трезвая осина
По-родственному не стыдит.

Нам хорошо ладони греть
В лучах истории остяцкой,
Мужскою ветвью зеленеть
На древней пристани рыбацкой.

2000

* * *

*«Священное святое небо
На землю опустилось
защитником справедливости...»
(Из старинной ханты-Вской песни)*

Без отчаянья,
 надеждою нехитрой
Дождь поразовал
 печальных земляков —
Радуги веселую палитру
Кто-то держит
 над холстами облаков.
И разгадана по краскам неизвестность,
Где сыны восторги повторят:
Как свежа отеческая местность,
Нежен добрых песен звукоряд!
Злобные забыты имяреки.
Милосердны хвойные леса.
Не скудеют на просторе реки
И ларьякские слышнее голоса.

2000

ВОПРОКИ ВОЗРАСТУ

Озвучивают за кукушкой
Вьюрки, дрозды тоску любви.
Хотя они — не соловьи,
Но все же певчие пичужки.
Легко по песенной природе
Таежной родины брожу
И, как умею, вывожу
Пассажи отеческих мелодий.
Скрипичный ключ на ключ басовый
Менять приходится. Но все ж
На голос юности похож
Мой возглас в робости бедовой.
И хриплой птахой на излете
Влетаю в летнюю игру,
Где с прежним трепетом беру
Рисковый звук на верхней ноте.

2001

«БЫЛ С МИРОМ ЗАРПФМОВАН
Я В КОЛЫБЕЛЬНОЙ МАМЫ!...»

MAME

Не красоту ты нежила
Купальщицей в реке,
С детьми на рыбе выжила
В военной той беде.
Бросала моя матушка
Сеть-невод в кровь-зарю,
Голодные ребятушки
Сидели на яру.
Все повторила кроме бы
Слезы —

в кормилец-Вах...

Держала экономику
На худеньких плечах.

1977

СОСНА

Жара томила,
гнула вьюга,
А ты роняла
семена.
Одна, без спутника,
без друга
Давала детям имена.
К любви тянулась
всей душою,
Да только встретила
обман.
Молва недобрая тайгою
Неслась,
как бешеный буран.
А ты склонялась над порогом
Избы, построенной в глуши,
Где началась моя дорога,
Где зрели сосны-малыши.

1977

* * *

Под ветром у косматых елей
Первоянварский снег хрустел.
Родился я под шум метели
Рыбацкий разделить удел.

А рыбаки семьи отцовской
В старинном промысле ловки,
Тянули невода веревкой
И дружно жили у реки.

А мама-то с Урала родом,
Любила песни распевать,
Когда к холодным вахским водам
Белье ходила полоскать.

Со мною мучились порядком
Немало лет отец и мать,
Чтоб дать рыбацкую ухватку
И песней душу воспитать.

1981

НАСЛЕДНИК

Мудрая богиня золотая
Раскачала в небе колыбель —
Бледная январская метель
Душу приняла мою,
 лестая
Меж оледеневших берегов,
Над древних нартах
 долго ханты
Обсуждали русские гаранты
Новой грамоты большевиков...
На отца по-бабьи расшумела
Русская неграмотная мать:
«Сколько надо, Господия, ломать
Жизнь,
 судьбу?»
 (А по-хантыйски:
 «взлас»?)

Тихо, может быть, ответил так
Просветленный в лозунгах артельщик:
«Он рожден не для
 военных стрельбищ,
Он у нас потомственный рыбак
И охотник...»

 Мирно отдыхали
Все хантыйско-русские черты
У мальчика,
 когда сближали рты
Мать с отцом
 над ваховским пенгали.

* Вэлвас – жизнь, существование, судьба (хант.)

И чему я в люльке улыбался,
Помню у родительских могил:
Иностранцем ваховским остался,
А Россию крепко полюбил.

1993

* * *

На полотенце годы вышиты,
Узор их прост, неординаков.
Над ним и горько и возвышенно
Ты, мама, уставала плакать.
Любовь рассыпана в букете,
Есть алый, желтый, голубой...
Тебя уж нет. Но на рассвете
Опять встречаемся с тобой.

1993

НАСЛЕДСТВО

Понимаю, — это случай,
Но божественной ошибкой
Мир явился мне певучей
Колыбельною над зыбкой.
Засыпающий поселок
Песня мамы беретла,
И раскачивался полог —
Два заботливых крыла.
И холодный, небогатый
Под покровом лоскутным
Мир казался мне крылатым,
Музыкальным и родным.
Я еще не видел звезды
На высоких небесах,
Но родной певучий роздых
Прогонял вселенский страх.
И в послевоенном детстве
Я за матушкой вознес
Музыкальное наследство
Неслучайных русских слез.

1995

* * *

«Стоят леса, молчат леса.

Молчат и инородцы...»

Гр. Дмитриев-Садовников,
ларьякский учитель-красовед.
1912 г.

Месяц лето нестарое
Над песчаной откосиной
У лабаза распарывал
И готовился к осени:
Каждый день по икриночке
Отделялся от месяца,
В реку падал с тропиночки —
Время здесь не уместится
Вековыми этапами
Золотого движения
От востока до запада
Жития и служения.
Многовато накоплено
Событийности ваховской.
Но не меньше потоплено
Обновляющим нахлыстом.
Моя память без адреса
На откосе к течению
У лабаза повадится
Прикасаться к мгновению...
Поручила мне матушка,
На тот свет уходившая,
Не далече, а рядышком
Видеть землю, родившую
Православное отчество
В моем ваховском племени,
Где хантыйская вотчина
Учит вечному времени.

1998

БЕРЕГИНЯ

В кедрач, как в храм,
Вошла Екатерина,
Сложивши руки на груди своей.
Осенний ветер причесал седины,
И луч коснулся серебра бровей.
На фоне зелени и золота разлуки
Слова я безответные шептал,
Последний раз поцеловал я руки,
Которые без дела не видал.
Ушла к отцу, любимому мужчине,
Прощальной нежностью поражена...
Но ты и мне
Как мать-Берегиня
Здесь, на земле, по-прежнему
Нужна.

1995

* * *

И тридцать веков тому назад
Тревожные воды реки Вах
Вливались в спокойное течение
Срединной Оби, ожидая рождения моего.
Я в этом уверен.

И три тысячелетия тому назад
Люди мастерили на берегах Ваха
Скромные рыболовецкие снасти,
Сочиняя веселые и грустные песни.
Так мне рассказывали.

И все тысячелетия, все века
Песни поколений ваховских
Грелись на солнце, вмерзали во льды,
Чтобы отозваться в твоей мелодии,
Мама...

1997-1999

ВОЕННЫЕ РОМАШКИ

Землячкам матушки моей

Не пугали ветерки
Деревенского причала.
О любви душа гадала,
Отрывая лепестки
От ромашки полевой,
От оранжевого круга,
Ради юного супруга,
Точно зная, что живой.

Лепесток один в горсти
Песней солнечного круга:
«Благоверного супруга,
Господи, в бою спаси!
Не хочу судьбы вдовы,
Исцелю, коль примет раны
Он как сын на поле брани
Возле матушки Москвы!..»

И, разжавши кулачок,
Выпускала к вести новой,
Отогретый и невдовий,
Как почтовый ярлычок,
Лепесток. И дождалась,
Дождалась среди немногих,
Утишение тревоги,
Богоматери молясь.

В день Победы у реки,
Гладя мужнины рубашки,
У застенчивой ромашки
Отрывали лепестки
Вдовы с пристани Ларьяк...
Было ветерков не меньше,
Вырывающих у женщин
Лепестки любви во мрак.

У разлучницы-реки
Кольца свадебные блекли,
Но, не думая о пепле,
Разжимали кулачки
Души поседевших вдов,
Не принявшие печали...
На тоскующем причале —
Довоенная любовь.

1999

* * *

Возвышенностью слова
И вдовьими слезами
Был с миром зарифмован
Я в колыбельной мамы.

Душой владела щедрой
Чарующая скрипка,
Где на крыле у кедра
Моя висела зыбка.

Не предвещая бедствий,
Звенел старинный бубен,
Где корневилось детство
Среди невзрачных буден.

Мечтали долго жить мы
Под музыку кочевий —
Сливались бубна ритмы
И скрипки перепевы.

На плаче модуляций
Я подпеваю маме:
Не хочется прощаться
С былыми временами.

1976-2000

* * *

Всю ночь в закоулках деревни
Пурге обездоленной выть,
И мне в этих столах напевных
Оплаканным трудно не быть.

В привахской моей благостыни
Уж некого в бедах винить.
Пурга, не тревожь сиротину,
Забудь, если сможешь забыть.

Я выйду из утлой избышки
Оплакивать мать и отца.
Кладбищенский кедр на опушке
Во мне не узнает юнца,

Поющего на колокольне
Церквушки, забытой людьми...
Пурга, отрыдай же покой мне
И тихой вдовой вразуми.

2000

* * *

Потепленье. Распушилась хвоя.
Хрупок наст сверкающего снега,
По которому решили бегать,
Взявшись за руки, немолодые двое.
Кто осудит скрытые седины
И открытые морщины? Лица
Научились в бедах веселиться
Вопреки отметинам судьбины.
Кажется, что древние деревья,
Двигаются кругом в хороволе,
Радуются ласковой погоде
На краю заснеженной деревни.
То смеется мамочка, то плачет,
И отец сквозь слезы рассмеялся...
Слава Богу, я зимой дождался
Их любви, которой не утрачу.
Мать с отцом, счастливые, на фоне
Вечно зеленеющего бора,
Подарили мне сибирский норов,
Навсегда соединив ладони.
Мне, их продолжение присвоя
В памяти, видениях и Слове,
Любо выйти в хоровод кедровый.
Потепленье.

Распушилась хвоя.

2001

«ШЛО ПРИВЕТ С ХАНТЫЙСКОЙ ВОТУМЫ
ПРАВОСЛАВНОЮ РУКОЙ...»

* * *

Дом —
уют колыбельный
И мечты на реке
Помню я среди елей
В золотом куржаке.

На груди горизонта
Путь,
как крик: «Помоги!...»
В доме бабкины с фронта
В пору мне сапоги.

Я плыву по широкой
Обновленной Оби...
Жди, родной синеокий
Дом пречистой любви!

1966

* * *

Ценю тебя, сибирская река,
За вечное, красивое занятие —
Тепло бурлить и плыть издалека
В ледовые холодные объятия.

Легко играешь падшею листвою,
Привет осенний унося к зимовью.
Родством души, родимая, я твой,
Но с берегом соединен любовью.

1977

МЕЛОДИЯ

Тихо дерево поет,
Юды чьи-то вспоминая...
По реке шуга плывет,
Снег дороги засыпает.

Понимает, как слова,
Звуки древние старуха.
Молча слушает вдова
Нежный голос наркасьюха,*

Неизвестно, сколько лет
Пролетело птичьей стаей...
Лишь старинный инструмент
Песни их не забывает.

1978

* Наркасьюх – старинный хантыйский музыкальный инструмент (остяцкие гусли).

* * *

Для меня забота леса
И награда, и удел...
Из пеленок звездных месяцев
Улыбался и глазел,
Как обдуманно и важно
Речка Вах течет к Сби.
Мне хотелось быть отважным
В первой песне и в любви.
Поскользнулся там, где глина
Не просохла от дождей...
Пожалел кедровник сына —
Жди поддержки от людей.

1979

* * *

Ручей-шептун,
ручей-болтун
Во мраке буерака,
Природы баловень,
игрун
Резвится близ Ларьяка.
Его сторонится кедрач —
Он возрастом моложе —
Струя веселия на плач
О прожитом похожа.
И стонут кроны в вышине,
Сопrotивляясь ветру.
Не все понятно нынче мне
И маленькому кедру.
Мы с ним осмелились молчать
И слушать смех потока,
Луны печальная свеча
Нам кажется далекой.

1979

ТАЙГА ОТЦОВ

Смывает дождь с деревьев
дым горелок,
И факелы шипят на буровых.
Иду по уцелевшей зоне белок,
По резервации нечаянно живых.
За каждой веткой вижу
предков лики
В заветном выражении добра,
Несу от них подарок —
горсть брусники
На доньшке звенящего ведра.
Всего полпесни
до шальной бетонки,
А дальше... визг и скрежет перебьют.
С таежным эхом
перекличек звонких
Пернатые подруженьки не жгут.
Запой смелей,
а я начну зукать,
И в дренней позабавимся игре!..
Сюда придут раскаиваться внуки.
Еще не все потеряно в Югре...

1987

НОКТЮРН

За тучами скрывается луна,
Иду, бреду по городу ночному.
Душа моя тревогою полна,
А свет во тьме летит от дома к дому:
То горя свет бьет в черные одежды,
Или — лампада счастья в тишине?..
По улице с неясною надеждой
Иду навстречу искренней весне.
Какие люди зажигают окна?!
Их свет надежней пятен фонарей.
Ветвей нераспустившихся волокна
Деревья тянут к зелени дверей.
Я под дождем с заветными огнями
В прохладной мокрой северной ночи
Беседую как с лучшими друзьями,
И наш ноктюрн по-старому звучит.
Не знаю, что случится завтра с нами,
И сердце предболезненно стучит,
Когда весна разносит ночниками
Свои по Нижневартовску лучи.

1992

* * *

Простите все, простите накануне
Последнего, недолгого пути,
Вчера я не заметил новолуния
И сединой за праздник заплатил.
Мне было суждено тогда родиться,
Когда одним значением слова МИР
Могло все человечество гордиться,
Переполюя души и эфир.
Но я к возврату вас не призываю,
А просто каюсь, что не сберегли
На полотенце русском каравая,
Пересолили жизнь родной земли.
Мои герои вышли за пространство,
И не с кем спорить, шпагу преломить.
На поле скорби и непостоянства
Чужое счастье начинает жить.

1995

НА ТЕЛЕГЕ

Неровной улицей возница недоволен:
Поклажа падает,
и плачет кнут,
Пытается запеть о тяжелой доле,
Как промотавший счастье старый плут.
Торопится на лошадях казенных
Привычно матом сдобривать мораль
По непутевой линии районной,
Ведущей в околоточную даль.
Не блажь людская улицу скривила —
Изгиб реки наметил поворот,
Неровности обочин некрасивых
Не замечает занятый народ.
Похмельно пляшет редкий чуб возницы,
И матерщина расширяет грудь...
По улице плывут в затылок лица
И частые таблички «Светлый путь».

1995

ВОСПОМИНАНИЯ

Чем длиннее дорога от детства,
Тем сильнее тоска по нему,
Я брусничное наше соседство
Светлой памятью вновь обниму.

Там сливались весенние воды...
Погружалась дорога на дно,
Где искал я надежные броды...
Как давно это было, давно,

Когда мир мне казался игривым
И сквозь линзы нечаянных слез.
Не сгорали на вахских обрывах
Поминальные свечи берез.

1996

МЫГЯХ*

Все в жизни неожиданно
И все непросто, как у всех,
А редкий за труды успех
Случайно выдан мне.

На резвой нарте - по снегам,
На облаке - вдоль берегов,
Я древней лесне остяков
Свое дыхание отдам.

В родном краю пред очагом,
Среди хозяев и гостей,
Услышу голоса детей,
Гордясь хантыйским языком.

* Мыгыях — земли человек; в переносном значении: абориген (хант.)

ИСТОРИЯ

*В четвертой книге Геродота
есть информация о всадниках-
олинтах, живших на севере
среди густых лесов. Некоторые
исследователи считают эти
племени иириков предками
мадыр (венгров), которые
восходят к угорскому этносу
вместе с ханты и манси.*

Снежные перья роняют с небес
Тихие лебеди в зимнюю стужу...
Вот уже осени росчерк исчез
На успокоивших золото лужах.
Эту ли смену богатых времен
Здесь наблюдали когда-то иирики?
Мудрый наш кедр – преседой автохтон
Кольцами памяти стер заковырки;
Где-то за Скифией – знал Геродот –
Чистые птицы истории кружат,
Чтобы вписался угорский народ
Галикарнасского чуда не хуже.
Я бездорожье по-детски люблю,
Выслана снежность опять небесами
БЕЛАЯ –

С ходом безвинных времен
Честью следов мы отметимся сами.

1996

ЧИТАЯ ЛЕТОПИСИ

Прохожу по неизвестности
Девяти веков своих
За российские окрестности
До угодий родовых,

За славянскими языцами
Повторяю древний слог,
За монашескими лицами
Вижу северо-восток:

Стрелы вольного охотника
Убираются в колчан,
Песнь югорского вольготника
Слышу я по кедрачам.

Переписчик Новгородчины,
Проводник мой дорогой,
Шлю привет с хантыйской вотчины
Православною рукой.

1996

НАКАНУНЕ КРЕЩЕНИЯ

Судьбы неопытный невольник
Бессмертен в наших голосах.
Зачем ему престол юдольный,
Когда царит на небесах?
Младенцу молится Россия
У Приснодевы на руках.
И мир является красивым
В разбуженных колоколах.
Самозабвенно в Водокреши
Мы в поклонении святом
На бренность тела влагу плещем
И добродетель познаем.

1996

НА ВЫСТАВКЕ

Гляжу на древнюю посуду
Среди музейного хлама.
Как нищий, долго не забуду
Пустоты пищи и питья.

И не наивные узоры,
Не смыслы истин прописных, —
Все мне мерещатся укоры
На коробах берестяных.

1997

ХАНТЫ-МАНСИЙСКУ

Ты, ничьих говороков не стесняясь,
Щедро даришь свой скромный уют.
Объ-иртышской струей умываясь,
Добротой твои люди живут.

В хвойных зарослях дышится легче,
Над холмами летят ветерки,
Призываешь судьбу не нашедших
Бескорыстием щедрой руки.

Я люблю тебя, маленький город —
Простодушный, родной, безыскусный,
Где привычно ведут разговоры
На хантыйском, мансийском и русском.

Белоствольные в парке березы
Обесцветили пятна невзгод.
Ты кандалные принял извозы —
Вышей пробы российский народ.

Возвращаться к тебе по течению
Мне легко из ларьякской глуши.
Разрешь рыбаку по рожденью
Подарить звуки вахской души.

Старики обучили безусых
Братолюбием сердца гордиться.
На хантыйском, мансийском и русском
Пой, Югории древней столица!

1997

В РОДОВОМ УГОДЬЕ

То рыданье гортани,
 то выдох за словом
В полумраке терялись,
 на волны скользя.
На ветру сеть хвалилась
 богатым уловом,
Из куженьки*
 таращили щуки глаза.
Добродушный старик
 из Большого Ларьяка,
Отругавши меня
 за советскую власть,
Наотрез отказался
 от выпивки всякой
И надумал мне рыбу
 для ужина класть...
Ты пропой мне,
 как жил возле Пасола, Прасин,
И натянутых жил наркасьюха
 коснись:
Как наивный твой слог
 неизменно прекрасен,
Как невинна по сути
 тасжная жизнь!

1997

* Куженька — небольшой берестяной короб; Пасол — речка, приток Ваха.

* * *

Не задавайте мне вопроса:
За что люблю мое село?
Рыбалки,

ягоды,
покосы,
Неподвижное весло...

Ах, эти летние заботы
Моей ларьякской стороны!
Не называл бы их работой —

Такой отрадою полны
Просторы песенной свободы,
Где вновь, упрямый

и босой,
Мальцом хантыйского народа
Любуюсь утренней росой.

1997

* * *

«Помни наше мудрое название»:

*Ханты – все народы на земле»**

Владимир Воддин

В Отечестве, простуженном и бледном,
Услышавши возвышенную вьюгу,
Спешу на совершенные беседы
В Рождественскую ночь
к затоптанному лугу,

На доброту и честь рукопожатья,
Хотя визжат еще летящие полозья,
Спешу тепла руки открыто ждать я
Кого-нибудь, продрогши на морозе.

Единый Боже, ниспошли мне друга
Беседовать о временах одноязычья!
Не о толпе ли нынче стонет вьюга
И не меня ли по-старинке кличет?

Давно я знаю, что следы уносит
Весенний паводок, не отнимая память,
И никого история не спросит:
Зачем топтали чистоту ногами?

1999

* Ханты – люди, хант – человек (хант.)

* * *

Воскресный день большого торжества
Продлили мы за праздничным столом,
И хочется за ангельским крылом
До Божьего подняться естества.

Как сладкий запах наших куличей,
Колоколов церковных музыка,
Душа к душе распахнута. Легка
Застольная доверчивость очей.

И притворяться неслухом зачем?
Сегодня лгать не надо никому.
Стары слова. Но как по-новому
Они звучат в сиянии свечей!

Пасхальная нисходит благодать,
В молитве тихой губы не дрожат —
Они святой любви принадлежат,
Когда сердца не надо принуждать.

1998-1999

ТИХАЯ ВСТРЕЧА ВРЕМЕН

Последний день вторым тысячелетьем
Прочитан тихо, как молитва миру.
И с просьбой мы предстали перед третьим:
Возвышенную речь не редактируй —
Самообманом или заблуждением
Прошедшее высвечивает гордость
Души за православное терпенье,
Что не понятна иноземным ордам.

Из праха к небу возносились руки.
Шли десятью веками от Крещения
Сыны Отечества и Божьи внуки,
Прось у Матери Христа прощенья.
И купола России на планете
Сияют. Мы заутренней молитвой
Возрадуемся тихо:

третье
Тысячелетие благоволит нам.

2001

ВЕТВИ ТЯНУТСЯ К ЗВЕЗДАМ

На неоглядной жизни сирой
Стремилась робко передать
Мне матушка единство мира,
Предвидя Божью благодать.
Поодаль спящего селенья
Взамен искусственных огней
Зову лучи Богоявления
К скорбящей памяти моей.
Я с одиноким кедром рядом
У звезд и духов на виду
Поклоны старческим обрядом
В нетленном ельнике кладу.
Перестрадавши дни тоскою
Полжизни до седой поры,
Прикрыл отцовской берестою
Жертвоугодные дары.
И суетливая душа,
И бытом омраченный разум,
Немую тризну отслужу,
Соединились к пересказу,
Что в бедах сторбленное тело
(Не торжествующий костяк),
Как прашуры, но неумело
Возносит ваховский остяк...

Тайга, распаханная в небо,
К Большой Медведице умчи
Послезычную требу
В сакральном шепоте ночи!
Господней силою земли
Под шелест хвои благонравной
Я вижу сполохи вдали
На крыльях веры православной.
И все равно, как назовут
Ортодоксальные вельможи
Меня, когда здесь оживут
Мольбы мамани: Светлый Боже,
Дай мужества перестрадать
Измученному поколению
Поруганную благодать
И призови к Богоявлению!

2000–2001

«ГОСПОДЬ, СОХРАНИ ЭТУ ЖЕНЩИНУ,
КАК НЕЖНОЕ ЧУДО ТВОЕ...»

ХАНТЫЙСКАЯ КРАСАВИЦА

У тебя не пахнут руки
Чешуей и дымом,
Неужели лишь от скуки
Называешь мыльным?
У тебя лицо белее
Утреннего снега,
Ход лыжни твоей смелее
Нарточного бега.
А любовь твоя, наверно,
Как внезапный выстрел —
Если выбрала неверно,
То разлюбишь быстро.
У тебя глаза зарею
Яркою сияют.
И напрасно я рукою
Сердце прикрываю.

1967

* * *

Твой поцелуй не воротить,
Он, как мечта моя, в полете.
Сольются две зари в заботе
О том, что вновь не повторить.
Склонюсь, гитару обниму,
Печальный перебор раскрою,
И звонкою ее струною
Я боль отчаянья сниму.
1968

* * *

Возле берега, с детства родного,
Обживали цветочный пейзаж
После вечера мы выпускного —
Только звездам приметен шалаш.

Был уют неожиданно краток,
Замело белизною следы.
Только помнит ночные лады
Музыкального стебля остаток...

Так печали мои высоки,
Что зима превращается в лето —
По старинному зову тоски
Наиграй, деревенская флейта!

Я не зря акварельные краски
У ларьякского гостя купил —
Ангел грусти меня научил
Перекрасить январь без опаски.

Растревожены мать и родня:
На снегу замерзает любовник...
Но приветствуют нынче меня
Желтый бубен, зеленый кедровник.

В избушонке у жаркой печи
Одиноко, тоскливо ли ей-то!
В разукрашенной мною ночи
Прозвучи, выручальница-флейта!

1969

МАСТЕРИЦА

Добрая умелица для души
Шубу до метелицы завершит.

Скроены орнаменты на подол:
Тайными стежками все знаки свел

В сахе* у красавицы наш узор,
На мосей же малице** лишь укор.

Гладили любезного жениха
Две ладони резвые без греха,

И штрихами верности сплетена
В нашей соразмерности
жизнь одна.

Все струится по сердцу ночь тиха,
Яркий бисер просится на меха.

Плакать нынче хочется,
зажалась...
Вытру переносицу,
возвратясь.

1969

* Сах – женская распахнутая шуба.

** Малица – мужская нераспахнутая шуба (хант.)

УТРО НА БЕРЕГУ

Песчаный плес на первые лучи
Спросонок отвечает желтым блеском.
Не слышно птиц. Эфир еще молчит,
А волны шепчутся бессонным плеском.

Глаза влажны. Прибрежные ветра
Ожесточили сумрак ожидания.
И в котелке уха из осетра
Не закипит по женскому заданью.

Стон ожидания приобского прибоя
С полуночи прохладной не утих:
Она не приплывет.

Костер потух.

Не стоит

Готовить древний завтрак
на двоих.

1970

* * *

Нельзя не помнить
как прекрасны тени
Разбросанных по небу облаков,
Как помнят осень мокрые колени,
Стоявшие у грязных каблучков.
Ты жалости невольно уступала —
Зачем спешить,
когда все решено...
Ты туфельки перед другим стоптала,
Я на коленях
выгляжу смешно.
Повымерзли заветные посеёны,
Трава забвенья всходит на лугу.
Под птичьи незабытые напевы
Я до сих пор подняться не могу.

1970

* * *

На улице белым-бело
От новогодних снегопадов,
И наше старое село
В снегу тонуть по-детски радо.
День абсолютной красоты,
Первоянварский, чистый, нежный —
Поверх капризной мерзлоты
Приветлив скрип полотен снежных!
И солнце жар румяных щек
На небе ясном не скрывает,
И у окна смешной шенок
На зайца солнечного лает...
Кричу летящему на тройке:
— Уважь, родимый! Прокати!
По бездорожию по-свойски
К зазнобушке завори.ти.
В такой-то час, когда светло,
Неужто спит и только грезит,
Что через зимнее село
Спешу я, солнечно любезен?

1971

ИМЯ ЛЮБИМОЙ

Я не любил другого имени,
Еще не встретившись с тобой.
Оно летело из-за темени
Огромной тучи над судьбой,
Уже весенней, но безлиственной...
Я долго вымолвить не мог
Среди имен одно — единственной
На перекрестии дорог.
Друзья подружек хороводили —
Мне не хотелось баловать.
Так ясно было несвободному:
Назвать — по сути — призывать.
Июнь румянится неистово,
Горланит в зелени легко,
И я кричу с ларьякской пристани:
«Лариса-чайка!.. высоко...»

8 июня 1971

СТАРОМОДНЫЕ СТРАДАНИЯ

Проигравши на вечерке
Свой несмелый поцелуй,
Различаю в песне бойкой
Восклищанье: Не балуй! —
Той, которая смеяться
Перестанет на кругу
И которой я признаться
Принародно не могу.
К ней тревожно прикасаться —
Горделиво держит стать,
А в особинку румянца
Можно скромно целовать...
Это что со мною случилось?
Что до робости свело?
Холостяцкая усталость
Раззадорила село:
От сочувствия не скрыться
До вечера с утра —
Все советуют жениться.
Видно, свататься пора.

1971

ПРИЗНАНИЕ

Желал я тебе столько раз
Во здравии выйти навстречу
Тому, кто пришел издалече,
Придумав назначенный час
Свиданья морозной зимой
У старой скрипучей кадитки,
Хотя в новогодней открытке
Указывал адрес не твой.

Полжизни куда-то писал
И верил догадливой почте.
Крыльца твоего многоточье
Ответно в следах отмечал
По почерку смелой луны
В ночи на снегу синеватом...
Стою я один виноватым
В тени разделившей стены.

1971

* * *

Как растает пух лебяжий
На постелях луговых,
Ночь сосну с сосною свяжет
В отражениях речных,
Как вздохнет теленком пажить,
Замаякают коты,
Как начну я у овражин
Собирать тебе цветы,
Как повалятся удачи
В нашу общую весну..
А в избушке окна плачут,
Крошат солнце и луну.

1971

* * *

Я тогда еще грабил
Восторги притворщицы —
Доморощенный гений
Любим пролетарками.
Наши сочные бабы
На пристани мерзнувшей
Провожали к Тюмени
Обиды нежаркие.

Я тогда не прощался:
Подумаешь, сроки ли —
Относить гимнастерку
Два года до дембеля?..
Я с одной целовался,
А бабоньки охали
Вместо возгласа "горько!" —
Нет в паспорте штампея.

Я тогда уже понял,
Что нет позволения
Возвращаться парнишкой
К заснеженной пристани...
Оттого хорошо мне
Сейчас в отдалении
Холостяцкою стрижкой
Клониться над письмами.

1973

* * *

Пусть станут муками моими
Твоя слеза, твой стон в ночи,
Пусть сны ко мне придут больные,
Жестокие, как палачи.
Мой рот кривится в боли страшной,
Когда позором бьют тебя...
Лишь позови меня однажды,
Приду, по-прежнему любя.

1977

* * *

Ничего тебе сегодня не скажу,
Удила страстей покрепче закушу.
Погонять меня не надо на успех,
К продолжению немислимых утех.
Хорошо ли мне в погоне за тобой?
Хорошо, пока резаюсь как молодой!
А когда оставлю силы на стерне,
Ты, пожалуйста, не думай обо мне!
Как отжажду,
отжалую,
отслужу, -
Так уж точно, даже слова не скажу.
1978

* * *

Еще звезда не зажигалась,
Не потемнели небеса,
Но так душа истосковалась,
Что вторят птички голоса,
Мои разносят призыванья:
Спеши, родная, поглядеть
Земли и Солнца целованья,
Чтобы невольно захотеть
Дыханья общего меж нами,
При жарком опыте зари
Спеши ожечь меня губами
И ничего не говори.

1979

* * *

За свежескрашенной июльской оградой,
Которая с калиткой в цвет один,
Колени давит острая досада
Старательно утюженных штанин.

За стройною штакетною оградой,
Которая блестит в лучах зари,
Отрада губы красила помадой
И, видно, оттиск хочет подарить.

За обновленной к вечеру оградой,
Которая отбрасывала тень
Весь день на работающую Отраду,
Фуражку бойко сдвину набекрень...

За надосевшей скучною оградой,
Которая несломанной была,
Мне говорить признания не надо:
Отрада все, конечно, поняла.

1969-1998

Ты ко мне прижалась,
как сестренка.
Даже мысли не было такой:
Для чего короткая юбчонка
Заплясала под моей рукой.
Поднимал ладонь и по морщинам
Ласковой сосны скользя.

1979

* * *

Вах бледнеет в дарах листопада,
Из тумана мелькает пейзаж,
И плывет по шуршащим преградам
Обласок протекающий наш.
За последним шальным поворотом,
Подбоченья, встречает сосна,
Ты смеешься, прощаешь остроты...
А за стогом деревня видна.
Не доплыли, в суденышке мокнем,
Надо воду реке возвращать.
Рукава закатаем по локти
И друг друга начнем выручать.

1979

АПРЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Занавесилась даль снегопадом,
А мы снова с тобой влюблены.
Но теперь нам прощаться не надо
Перед жарким дыханьем весны.

Шепот холода легкой поэмки
По непрочному первому льду
Зазывает в сквозные потемки,
Что без нас разгулялись в саду,

Будто призраки прошлых свиданий,
Будто влажные поиски губ,
Поцелуев, улыбок, рыданий
И призывов: «Прости, приголубь...»

1980

* * *

*«И думаете Вы еще: зачем
В мое окно стучаться светлым перстнем?»
М.И. Цветаева. 1919*

Поделим всю кручинушку
Под песню у свечи.
Друг другу мы, Маринушка,
О правде не смолчим.

Уж лучше жизнь морила бы
На хлебе и воде,
Чем разводить с любимыми
Среди чужих людей.

Нам сытости не хочется,
Судьба, как будто гвоздь,
Вбивает одиночество
В сердца,

Но оба — врозь.

Мы, запрокинув головы
Под иней на заре,
Забыли жизнь веселую
В прошедшем январе.

Что в юности теряется,
То не горит дотла...
И где-то повторяется:
«Печаль моя светла!»

1989

СЧАСТЛИВАЯ

Когда на небе
Вызревают звезды,
Когда в Оби
Купается луна,
Автобусом
Уже последним, поздним
В обшагу
Возвращается она.
Вахтерша по привычке
Буркнет: «Здрасьте», —
Девчонки спросят:
«Обещал жениться?» —
И полуночным
Выдуманным счастьем
Она начнет
Неискренне хвалиться.
Ровесницы
Детей балуют в гнездах,
С любовником
Спит верная жена.
Всю ночь на небе
Вызревают звезды,
Всю ночь в Оби
Купается луна.

1995

НА ЗАВАЛИНКЕ

В телогрейке и в валенках сяду
Летним днем под угрюмый навес,
Буду долго смотреть за ограду,
Где юнцы выбирают невест.

Ну, которая краше которой
И какому какая нужней,
Разберутся, пожалуй, не скоро,
Коли нет еще дел поважней.

Только мне нынче кажется, эта
Перепалка страстей у плетня
Поважнее призывов поэта
На кровавом куске полотна.

Кабы юность раскрыла мне дверцы,
Кабы только одну целовал,
Я бы жил с нерасколотым сердцем
И советы легко раздавал.

1996

* * *

Неразумной, молоденькой птахой
Надрывается чья-то любовь,
И на острове чья-то рубаха
В истерпенье растегнута вновь.

Положу я весло, чтобы плеском
Заблужденья весны не спугнуть,
И позволю притихшим березкам
Брачным цветом одежд обмануть.

Поцелуй, дыхания, надежды
И полет двух истерзанных тел...
Так в объятьях счастливым невеждой
Я с любимой когда-то летел.

1996

ПО ВЕСЕЛОЙ ДОРОГЕ...

...Хорошо ты обманы плетешь.
Хорошо.

Но могла б виртуозней.
Это я мимо судей занудных прошел.
Озорной. Несерьезный.

Не умею нудить потому,
что нельзя
Со слезами под звезды.
Пусть в ухабинах будет
родная стезя.

Осуждай!
Мне сворачивать поздно!

1996

ГЛАВНОЕ СВИДАНИЕ

И отратно, и боязно душу
Ранить этой мечтой молодой...
Но, как школьник экзамена, трушу
Испытания встречи с тобой.
Елки-палки и Господи-Боже
Перемешаны — не разобрать:
Я планирую или итожу
Перед тем, как прилюдно играть
Полуопытность, полунанивность,
Доверять, оставляя табу,
Чтобы не было слишком противно
Обнажать для потомков судьбу.
Поздно выстрадал, рано придумал
Тебя женщиной лучшей, ничьей.
До тебя меня не было. Умер
Расточитель незрелых ночей.
Отправляю рожденную душу
На свиданье последней тропой...
Среди хохота шепот послушай —
Это я восхищаюсь тобой.

1997

НАДО ТОЛЬКО ЗАПЕТЬ...

Отпуржило. Но сыплется мило
Бледно-розовый мой снегопад...
Мы расстались, и нас разлучило
Время писем. А хочешь назад?
В переполненный спорами поезд
Через вьюгу, где в разных купе
Отмолчали признания, то есть
Я тянулся не слышно к тебе.
Адреса на разлучном вокзале,
Ни о чем деловой разговор...
Почему мы тогда промолчали
Обо всем, что поет до сих пор?
Пелена бледно-розовой сыпи —
То ли запад, а то ли восток
Ожиданием встречи пропитан,
Что пока я озвучить не смог.

1998

* * *

Листопадов осенняя песенность:
Хрипотца и звенящая грусть.
Этот парк надоедливо тесен нам
Для слякня доверчивых уст.
Но друг друга шагами оспаривать
Хорошо по намокшей траве —
Мы идем через шумное зарево
И молчим о высоком родстве.
В тихой зелени кедров и сосен есть
Родовой старины уголок.
Там отец мой замолкшею осенью
Маму счастьем одаривать мог.
Отчужденность сжитая последнюю,
Переступим людскую молву
Где признаюсь: таежный наследник я,
Где хозяйкой тебя назову.

1970-1998

* * *

Во тьму нарочно спрятав седину,
Смущается неверная зазноба
Лишь потому, что я ей подмигну –
Мы перегляда выжидали оба.

Пусть этот вечер встречи голосов
По случаю стечения желаний
Не знает утомления часов,
Захватывая в плен воспоминаний.

Нельзя печаль из прошлого нести:
Слова из песни, словно из лукошка,
По нотам сыплем, чтобы обрести
Душевный стон под звонкую гармошку.

А что не вспомнит, растревожу сам,
О юности горланя без умолка –
И бесконечно литься голосам
По переулкам спящего поселка.

1998

* * *

Ольге

Ни до,
ни после глядячи,
Искать не надо близкого,
И не пытайся, крадучись,
Дойти до слова низкого...
Смотрю на лист невесело —
Перечитать не хочется.
Надежды занавесила
Ночь,
ночка,
ночица.
Надменной постороннего,
Беды первоначальнее,
Черной крыла вороньего,
Судьбы моей печальнее.

1998

НАДЕЖДА

Господь, сохрани эту женщину,
Как нежное чудо твое,
Как слово на счастье вещее,
Что только молитва дает!

Господь, сохрани ее помыслы
К любви, что достойна она,
И пусть ей лишь лучшие помнятся
Встречи,
года,
имена!

Она мне судьбою обещана
И детям по праву любви...
Господь, сохрани эту женщину
И дольше к себе не зови!

1999

ЛЮБИМОЙ

Что бы о тебе ни говорили,
Ты была и будешь только той,
Без которой тихо б умер или
Жил бы злодеяньем налитой.

Я, тобою вырванный из прочих
В песенную нашу тишину,
Понимаю: ночи дней короче,
Но длинноты все перешагну..

Там, куда пока спешить не надо,
Как и здесь, нельзя нас разлучить —
Если на полшепота мы рядом,
Богу проще счастье защитить.

1999

* * *

Какое счастье падать на колени
Пред женщиной, просящей: «Поднимись!»
И сотни бед, и тысячи лишений
Напрасно мне перетраждают жизнь —
Преодолеть, перетрадать возможно,
Как бы пути не путала судьба,
Когда ладонь любимой осторожно
Касается поверженного лба.

Молитвы, слезы женщины спасали
Меня не раз от мерзкой суеты.
Любимая в божественный розарий
Вела тропкою нежной доброты.
И сотворенным женщиной кумиром
Легко несудно достоинство лица
И по согласью с женским полумиром
Дарю полмира щедрого отца.

2000

* * *

Я буквами собрал моими
И произнес в глубокой тьме
Твое распахнутое имя
Ко всем влюбленным на земле.
Не принимаю разночтений
Во зле скрипящих ярыжков,
Встречаю радостные тени
Летящих между облаков.
На романтической картине
Похожи на прекрасных дев,
Спешащих к яркой середине,
Две тьмы при свете одолев.
Любить — мое предназначенье:
От глубины и высоты
Отрады светлые мученья
Во власти женской красоты.

2000

* * *

Пожала провожавшим руки,
Но мне шепнула одному:
Не забываются разлуки,
А встречи помнить ни к чему.

Исчислен век. Срежь ночи темной
Часы разлучные стоят —
Безмолвный, дальний и огромный,
Горит над миром циферблат.

И сотни встреч соединились —
Путь к ним разлукою разрыт,
Когда часы остановились
С последним шепотом навзрыд.

2001

«ЗАПЕВ ВЕЧЕРНЕЙ КОРОМЫСЛО
ДВА ОЗЕРА УНОСИТ В НОЧЬ...»

РЯБИНЕ

...И ты безрадостно и домко
Ко мне протягиваешь кисти,
Летят и вскрикивают громко,
Навечно остывая, листья.

Пора задуматься о снежной,
А ты — о солнечной поре.
Ведь бесполезно, безнадежно
Ты бьешь поклоны в ноябре.

Оставив только поцелуй
Короткой осени твоей,
Красу недолгую раздует
Неумолимый ветровей.

Зима невольно пожалест
Твои дрожащие стволы.
Укрыть от холода успеет
И от раскованной хулы.

1974

* * *

Зари вечерней коромысло
Два озера уносит в ночь.
Луна без долгой укоризны
Простилась, как большая дочь,
С избыю солнца за болотом
И поплыла одна легко
По раскачавшимся высотам
Привычной скоростью веков.
Но через несколько мгновений
Ей коромысло брать пора,
Чтоб к солнцу вынести из тени
Два переполненных ведра.

1963

* * *

Заря в обской воде устало брезжит,
Последний луч искрится на волнах,
Туман крадется вдоль по побережью,
И я летчу, как птица в облаках.
Вечерний ветер напрягает руки
И превращает в крылья рукава.
Я улетаю от обидной скуки,
Я нахожу сердечные слова
Об этом крае в кедровом просторе,
Где научился я ценить мечту,
Любить людей и в радости, и в горе,
Беречь тайги старинной красоту.

1972

* * *

Зима, по темным весям отреша,
Исповедально шепчет покаяния,
Когда весны плаксивая душа
По-детски ждет от солнца сострадания.

Шальная сила, спавшая в тоске,
Ломает льды и предвещает встречу мне
Меж берегов с любимой на реке —
Волною в полынь судьба отмечена.

Я с берега в предчувствии страстей
Бросаю пережитые усталости
И на разливе добрых новостей
Жалею тех, кто пребывает в старости.

Льда стоны, будто звоны хрусталя,
Ласкают слух большими переменами.
Желанье плыть мечтою утоля,
До будущей зимы прошусь с оленями.

1973-2000

* * *

По горизонту —
 золотая лава,
А по дороге —
 рыжая вода.
Затеяли любовную
 забаву,
Играя, воробы
 на проводах.
Перекликаясь,
 озоруют молодое,
Поддразнивают
 с высоты,
Как будто тыщу лет
 мечтали в холоде
О наступлении
 этой теплоты.

1974

НА ПЛОТУ

У реки буграми вздулись мускулы —
Тяжело протаскивать плоты,
Хорошо бы не терять, не мусорить,
Не позорить зрелой красоты.
Крепко-накрепко лесины связаны,
Тень ползет широкая по дну...
Все на берегу деревья разные —
Здесь одно название бревну.
Так они, корявые, обтесаны,
Так омыты благородством вод,
Что склонился над немymi плесами
Всей тайги прощальный хоровод.

1977

* * *

Утренние звонкие лучи
Вылетели птицами рассвета,
Разметали сотни рыжих крыл,
Будоража смолкнувшее лето
Богатырским пробуждением сил.
Вот уже торопятся сдаваться
Тени молчаливые лесов —
До заката будут раздаваться
Солнечные звуки голосов.

1977

* * *

Если удача и если беда,
Если услышу стук сердца родного,
Я добираюсь до пристани снова,
Где не расходятся лес и вода.

Лес и вода — две стихии мои;
Здесь перемешаны тени на влаге,
Здесь отраженьем на вечной бумаге
Берег над речкой слагает стихи.

1979

* * *

Из ночи выйду, позабывши все
Сомнения,
как забывают боли
Излеченные.
И на раннем поле
Валиться буду
в солнечной росе.
Испариной безлюдною дыша,
Возрадуюсь:
ничто не изменилось,
И длится,
колосится божья милость,
И жизнь по-сумасшедши хороша.
1979

У РЕКИ – РАЗЛУЧНИЦЫ

Когда на речном просторе
Несется песня разлуки,
Два берега в старом споре
Разъединяют руки.

С неба вода на воду
Льется. И души мокнут.
Но не осудим погоду,
Песня пока не смолкнет.

Когда пароходы в трюмах
Упрятали молча почту,
Два почерка в общих думах
Не расплывутся ночью.

Пристанища нет. Все стонут
Ручьи с необжитых склонов —
В Оби не бывают полны
Слез молодые волны.

1980

* * *

Ночь на лице небосвода
Нарисовала веснушки,
Затосковали кукушки
В роще у мелкого брода.

Обруч луны покатили
Волны в далекий рассвет.
Словно на тысячу лет
Окна в селе погасили.

Настежь опять открыл
Кто-то оконную раму,
В песне о радостном самом
Душу свою растворил.

1981

САМОТЛОРСКИЕ НОЧИ

Опять по велиению летних ночей
 В толпе молодых потеряем головы
 Где выкрики местных блатных рифмачей
 Над крышами множат для всех проводов.
 По линии минной мины слышен фрегат,
 В зените икона качается год,
 В полнеба горит, расставаясь, закат,
 В полнеба пылает, встречаясь, рассвет.
 Под парусом облака город плывет
 И режет кипящие волны времён;
 И кружит неистовый водоворот:
 Реклама и люди,
 цветы и бетон.
 И за борт бросают опята хохмачей,
 Сиренью тунтует обская вода,
 И кружится юность
 в безумные ночи,
 Целует морщины,
 не зная стыда.

1996

ПРЕДЗИМЬЕ

Выходит плакальщица-осень
На тлеющие рубежи
И жалости ничьей не просит,
О будущем не ворожит.
Такая, братец, наступает
За нашей зрелостью пора:
Еще лохмотьями блистаешь,
Но знаешь — кончена игра.
Все кажется: волнует ветер
Под солнце крашенную прядь.
А это древнего бесцветья
Бушует мерзнувший каскад.
Зачем ты, братец, трешь укладкой
На жизнь открытые глаза?
Пусть под дождем обманом сладким
Мелькнет горячая слеза.

1995

НА ТЕПЛОХОДЕ

Все ехать бы, не полезжая,
Все плыть вдоль вахских берегов...

Не дожидаясь урожая,
Рассеивая след лугов.
Иль на обрыве вдоль
 подресков
Зерном родной тайги уласть,
Чтобы испытать душую
 близкой
Природы праведную власть.
Движением обнимает время
Дымки рыбацких деревень,
Луна, как вызревшее семя,
Упала с облака за тень
Уверенного теплохода,
Который крошит тишину
Спокойной матери - природы,
Сынов готовящей ко сну.
Упрямия, но не чужая,
Волна вскапывает от винтов...
Все ехать бы, не полезжая,
Все плыть вдоль вахских берегов.

1995

ЭЛЕГИЯ ЧУЖОЙ ВЕСНЫ

Испарины на окнах замерзают,
Немыми звездами становится капель,
Но я причуды заморозков знаю,
Которыми балуется апрель.
Прижму к виску застывшие слезинки —
Не ждать преображенья белизны,
Когда приходят тихие зазимки
Спокойным отраженьем седины.

1996

...И ВДРУГ ЗИМА

Туман вчерашнего заката
В ночь на веселый выходной,
Как предрождественская вата
Упал холодной белизной.
Мольберты спрятали деревья,
Штрихи садов обнажены,
А пятна рыжего кочевья
В кострах осенних сожжены.
Обские резвые просторы
Оледенели возле дня,
И солнце окунулось в прорубь,
Как тлеющая головня.
Ветра побережья растрепали
Зеленокудрые боры,
Но сединой не испугали
Урмана мудрого вихры.

1998

УТРЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Вот лучиком первым солнышко глянет,
Скроются тени в сосновом бору,
И просыпаюсь я раньше-рано,
Дудочку звонкую снова беру.

Возле разлива светлеющей речки,
Помнящей весла и знавшей торги,
Где, как церковные бледные свечи,
Солнце бурлящие красит круги

Вахской водицы в извечном движеньи
Мимо хантыйских и русских костров,
Скромно цепляется, как украшеньё,
Дудочки голос за крылья ветров.

1999

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Опять восхищаться запущенным садом —
Збытым свидетелем юных страданий,
Разлуку учить по чужим серенадам,
Покинутым быть

и не ждать свиданий

Стараюсь.

Я мог бы, но ты не поймешь:

Где первая правда, где старая ложь...

Попробуем все, что похоже на нежность,

На самую светлую в свете печаль,

Почувствовать душами,

как неизбежность

Осеннего ветра, зовущего в даль.

1999

«ДАВНО Я ЗНАЮ, ЧТО СЛЕДЫ УНОСЯТ
ВЕСЕННИЙ ПЛЫВОДОК, НЕ ОТЛИЧНАЯ ПАМЯТЬ...»

* * *

Промасленные волны
И берег торфяной,
Старуха-колокольня
Любуется луной,
Качаются на ветках
Последние листы...
Я здесь бываю редко,
На невские мосты
Летаю любоваться...
Сибирь да Ленинград!
Но нет, не отворачиваясь!
И к ельникам назад,
К рубиновым брусникам,
Где хвойные ветра
Зовут протяжным криком:
— Вер-нись до-мой.
По-ра!

1977

* * *

Иду по улице знакомой,
Как двадцать лет тому назад.
Мы жили в деревянном доме,
Мы посадили этот сад.
Зеленый занавес листвы
От глаз скрывает окна, дверь...
Года находок и потерь,
Домой меня вернули вы!
Смеется сад, смеется улица,
Как в те мальчишеские дни.
От солнца ребятишки жмурятся —
Все сыновья моей родни?
Их ждет еще порыв от дома
То за мечтой, то наугад...
Иду по улице знакомой,
Как двадцать лет тому назад.

1978

НЕЛЬЗЯ БЫЛОЕ НЕНАВИДЕТЬ

Словно тень осужденного узника,
Возвращается в прошлое юность,
Где плескалась и плещется музыка —
Тишины вековой многострунность.

За наивным, предсказанным знанием
Предосенние сыплет затеи
И почти совершенным страданием
До сих пор управлять не умеет.

Тень цепями рассудка изранена,
Исчезает с восточной зарею —
Просыпаюсь в холодном тумане я,
Безнадежно, как в детстве, зареван.

И уже за молчаньем утраченным
Долговечны о музыке споры,
И уже не врываться иначе нам
В звуковые под солнцем повторы...

О, блаженство земного мучения,
Что в любви повторяется снова!
О, высокое предназначение
Выходить к звукоядам былого!

1981-2000

РОДНЫЕ КАРТИНЫ

С каждым годом отчетливей
вижу картины
Невозвратного лета свиданий и грез:
Месяц ищет над речкой свою половину,
Ветер юбки задрал у стыдливых берез.

Разодетые бабы поют
возле клуба,
У продмага разборка идет мужиков,
Бьет ступнями волну на мостках моя Люба
В такт качанию звезд у родных берегов.

Поздний отцвет черемух
летит снегопадом
На упругие косы стареющих вдов...
У безногих отцов звонко стонут награды
Переплавленной памятью колоколов.

1995

• • •

Ну что ж, пускай опять обманет
Тропинка посреди невзгод.
И промелькнет, как на экране,
Дурных сюжетов длинный год.

Все это так необходимо —
Без карт и планов держим путь,
И снова нигде нелюбимым
Пред Рождеством передохнуть.

Сквозняк бурчит по перекресткам
Опять недобрые слова,
А я заплаканным подростком
Ищу родства, как волшебства.

1996

* * *

Одарившее жизнью,
 загнившее семя
Вспоминает не долго
 созревший росток,
Да едва ли, страдая, цветок
Обернется в прошедшее время.

Не могу все года вспоминать,
Ибо надо всегда продолжаться.
Но за прошлое хочется
 крепко держаться,
Как больному ребенку
 за строгую мать.

1997

КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?

Матросами стоять под парусами
Нам на балконах в кайф, не одиноко —
Многоэтажки улицы широкой
Теряются в лучах за облаками.

Здесь вековать друзья не зарекались,
Но все-таки известными делами
И судьбами не раз пересскались
С моими земляками-рыбаками.

Стальные рельсы дотянуть с Урала
Страна спешила до поры тревожной,
Но правый берег на Оби таежной
Околдовал желанием причала.

Зов парусов блестящею красою
С двенадцатью рядами ярких окон
Запечатлен обскою полосой,
Теченьем жизни врезался глубоко.

Под парусами серии столичной
И нам, и Нижнеартовску казалась
Судьба от неказистого вокзала
Общественной,
но оказалась — личной.

1997-2000

* * *

Меняем
вихрастое золото
На ответ белесой луны.
Вчера —
так беспомощно молоды,
Вчера —
безрассудно юны.
Сегодня опорой надменной
Стоим возле новой родни
И зрелостью платим
разменную
За слишком разумные дни.
1997

* * *

Из прошлого зазывно свищет детство,
Откликнуться же внуки не дают,
Которые резвятся по соседству
И школьные экзамены сдают.

Мне позвонил седеющий Валерка –
Все тот же голос, только с хрипотцой.
Нас надо мерить пионерской меркой, –
И каждый ободрится молодцом!

Мы озорство проявим ненароком,
Играя в забытую лапту..
Ах, почему мы выбиты до срока
Из детства в бытовую маяту?

Айда носиться босиком по лужам
И одноклассниц за косы хватать,
И рыбу для ухи ловить на ужин,
И девочек на танец приглашать,
И спорить о морали коммунизма,
И локти при ушибах разминать...
Давай живущих соберем на тризну
Друзей ушедших слезно поминать.

1998

* * *

Торопясь,
не дослушали что-то мы
Из призывов отставших веков —
За простыми людскими заботами
Вдохновлял снегопад облаков.
Все равно нам
забвеньё ли, слава ли
Пробивается через шумы,
Зря крикливые вехи расставили
Вожак на просторе зимы.
Мы пространство и время проехали,
Но все выше зовут облака —
Голоса неизвестные, эхо ли
Приближают иные века.
Даже вьюгами жестокосердными
Не напугана добрая речь,
А над вечнозелеными кедрами
Машут крыльями ангелы встреч.

1999

● ● ●

Минорную мелодию метели
Нельзя переиначить,
изменить
И понарошку,
как на самом деле,
По спуску молчаливо семенить.
Внизу исповедальный упокой нам
Рассыпали закатные лучи...
Со всеми попрощаемся спокойно,
Хотя слеза на выдохе горчит.

1999

СНЕГА СПЕШАТ ЗА ЛИСТОПАДОМ

Устав о жизни говорить,
Мы все отчетливей и чаще
Умеем молодость корить
За листопад, во тьме звенящий.
А больше нечего сказать
При звуках счета векового,
Но слишком хочется спасти
Приметы нищего былого.

Есть телогрейка, сапоги
И отслужившая ушанка,
Что не раздали мы другим
На вспоминаемой гулянке.
Со дна по стопкам разольем
Хмельное прошлое, чтоб выла
Тоска предвизывая о былом,
Где гордая весна почила.

На успокоенной тропе
Напрасно мы еще бунтуем,
Пора бы выслушать теперь
Тоску спешащую седую.
Ах, Боже правый, как легко
Сады теряют позолоту,
Как будто выстрадан покой
За опьяняющим полетом!..

1999

* * *

*«Секучим снегом ослепила,
Блаженствам искажила путь.»*

Александр Блок. 1912.

В комьях снега розового цвета
Заплутали детские года
И не возвратятся никогда,
Чтобы на экзамене ответить
На вопросы строгих педагогов
Накануне подведения итогов.

Над снегами пепельного цвета
Отшуршали прошлые пути,
И теперь ответа не найти:
Для чего по надобности лета
Молодели звонкими садами
Чудо-города, постросинные нами?

И снегами траурного цвета
По ночам приходят утешать
Тени прошлого... Но удержать
Их нельзя до утреннего света.
Отучили годы, испытали –
А мы белый снег ни разу не видали...

1999

РОДОСЛОВНАЯ

Барабанит по стеклам природа,
В ночь ненастья окно отворил.
Ты ль, хантыйская память свободы,
Призывавшь в просторы ветрил?
Тарабанит природа
По стеклам,
Отворил в ночь ненастья окно.
Может, русская вольность промокла,
Незабвенностью плача давно?
Я гляжу в темноту непогоды
И дышу сквозняком старины,
Где навеки родные народы,
Как родители,
 влюблены
В непохожесть свою
 по обличью,
В древность подлинной доброты.
Та любовь мне крыльями
 птичьими
Машет ласково с высоты.

1995

Проживши день, раскройте шторы на ночь
И тишину впустите полумрака,
Когда повалится устало навзничь
Слепая тень казенного барака.
И синева в коричневых прожилках
Начнет скользить по комнате угрюмой —
Конечно, страшно. Но чуть-чуть, не шибко,
Поскольку Бог и эту ночь придумал.
Идет на убыль отголосок света,
И луч звенящий переходит в шепот...
На гранях обездоленности где-то
Теряется великолепный опыт.
Не знать, не ведать, не судить сознанием
Уснувший мир под сводами былого,
Почти не понимать, что утром ранним
Все зашумит и засияет снова.
Напрасно сожалеть, напрасно плакать,
Свалившись тихо рядом с тенью навзничь.
Помедлите и в тайне полумрака,
Протививши день, откройте шторы на ночь.

1999

«ЦАРИЦА СЦЕНЫ, НЕ БУДИ
МЕЧТЫ НАПРАСНЫЕ – ИЗМУЧАТ...»

СКРИПАЧ У БЕЛОЙ ГОРЫ

К Ваху белыми горами
Повернулся материк.
Не шумят вокруг урманы:
Щиплет бережно старик
Удивительные струны
Над кедровою душой,
И в озерах внемлют луны
Этой горести большой.
Не рыдания, а всхлипы
Источает инструмент:
Стоны прожитого либо
Ожиданья перемен...
Из родной легенды вышел
Старый ханты, сед как сон,
Повествует еле слышно
О течении времен;
И забытой богатырской
Добротой ласкает слух —
Нежно-нежно, близко-близко
Стонет искренний нын-юх*.
И, рукой взмахнувши гибкой,
Осмелевший музыкант
Из своей волшебной скрипки
Льет неистово талант.
И мелодия о счастье —
Тайном смысле бытия —
Держит нас в прекрасной власти,
То — судьбинushка моя.

1979

* Нын-юх - хантыйский народный музыкальный инструмент.

* * *

В дебрях памяти блуждая,
Я зазубрины считаю:
Сто зазубрин —
Сто обид
Помнят слезы,
Помнят стыд.
Сто зазубрин за успех —
Незаметные для всех.

1979

КОНЦЕРТ

*Доброй памяти
Нины Петровны Лопаткиной*

Был июль. Вечерело. Прохлада
От реки подползала к костру,
Разодетая агитбригада
Привыкла терпеть мошару.
Не приказано, просто так надо:
В половодье не ради утех
Ждал районную агитбригаду
На рыбацких угольях успех.
Голоса разливались волною
Выше берега, выше костра...
И рекой, и судьбою одною
Плыли мы по теченью добра.
Желтый месяц летал над зарею,
И землячка на фоне сетей
По-сибирски сердечной игрою
Представляла певучих друзей.
Аплодировал эхом повторно
Край в охатках цветов луговых.
Любо было в мажоре просторном
На подмостках петь береговых.

1983

* * *

Светлее дня на сцене той,
Куда цветы несут повесы.
А я в компании крутой
Тебе совсем не интересен.
Но я от слова и от стога
Твоей души не отделим —
Да, славы на тебе корона,
А я лишь бедный пилигрим.
Царица сцены, не буди
Мечты напрасные — измучат.
Не верю я, что впереди
Мне будет и светлей, и лучше.

1985

* * *

Я так свободен от себя,
Что в каждой роли непохожий.
Влюбляясь,
 радуясь,
 скорбя,
Судьбу испытываю кожей.
Стою на новеньких подмостках,
Вокруг — рекламы новых дней,
И крылья белые у тезки
В пространстве неба мне видней.
Как прежде юная душа
Менять не хочет крыл отважных —
Пусть роли многие грешат,
Она подскажет выход важный.
/1995

КОМЕДИАНТ

Надев рубаху наизнанку,
Из дома выйду спозаранку,
Подставлю ветру две щеки,
Чтоб ахали клеветники.
Пусть солнце жарит большаки,
Пусть изорвутся башмаки.
В пыли, в грязи пройду полмира
И стану шутовским кумиром.
Артисту на дороге вольной
От равнодушия лишь больно.
И, чтоб о доме не скучать,
На эхо буду я кричать
И корчить рожи над водой,
Не замечая, что седой.
Чтоб пересиливать вражду,
Я сочини белиберду.
У всех насмешниц на виду
К чужим воротам подойду,
Начну притворно выть и охать:
Впустите на ночь скомороха.

1995

* * *

Спит балабайка в старческих мозолях,
Колхозные ей
снятся вечера —
За памятью
затоптанного поля
Стон вдовой песни длится до утра.

Слов разобрать
на обостренье слуха
Не может от новых рубежей —
Под этот стон
ларьякская старуха
Идет в дремоте к юности своей.

И все-таки слежу я
со вниманьем,
Как тень, легко скользя на пустыре,
Не горбится и
девичьим рыданьем
Прощается с мечтами на заре.
1996

* * *

Я давно позабыл свою первую роль
В новогоднее утро под звоны фужеров.
Разве можно предвидеть актерскую боль,
Надрываясь от счастья в руках акушеров?

И на тренинге жизни, не зная удач,
Смело пробовал пластику разных героев,
Слышал массовый смех, видел зрительский плач —
Только сам не всегда понимал я нутро их.

Как подарок судьбы, брал любую гастроль
Самолетный, вагонный и палубный житель.
А когда отыграю последнюю роль,
Рядом с матерью милой меня положите.

1996

ПОЙМАННЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

Город, изнывающий от жажды,
Пьет Оби прибрежную волну
И ленивых побуждает граждан
До течения руки протянуть...
Воробьям в тени деревьев жарко —
Возле обезлюженного парка
Не напоминают летунов, —
Схожи с грудой мертвых чебаков.
В гаражах молчат автомобили.
Как токсикоманы в полутьмах,
Пешеходы от зловонной пыли
Прячут смрад чихания в горстях.
Триста метров по асфальту пехом
Мне осталось до воды пройти:
Было бы на облаке неплохо
По течению вечности гresti,
Было бы не легче, но надежней
Удивляться, как Господь-художник
На воображаемом холсте
Подарил движенье красоте...
Но спеша под ярким абажуром,
Близоруко выкатив глаза,
На крючок торчащей арматуры
Падаю. И вырваться нельзя.

1999

КОГДА НЕТ МУЗЫКИ

Скребет лопатой дворник за окном.
Пора вставать и принимать звучанье
В расслабленное тишиной сознание,
Сжимая чувства в напряженный ком
Понятий,
опыта,
привычек и открытий,
Когда из городского гула трудно выйти...
Скрежещет кран, и булькает вода,
Пыхтит на раскаленной плитке чайник,
И шорох за стеною неслучайно
Торопится пространством обладать —
И домовой в углу на чердаке немеет,
Когда в дому разгульной площади шумнее...
Претензии на тишину смешны —
Звенят ключи, скрипят, орут подъезды,
И лифт осатанело с рыком ездит
На привязи измеренной длины.
В безумстве звуков
аритмия доли общей
Шарахается,
тяжелест,
злится,
ропшет...

1999

«СЛОВАРЬ ДУШИ
ДО ГОЛОВОКРУЖЕНИЯ
ЛЮБЯТ ПАМЯТЬ В РУССКИХ КРУЖЕБАХ...»

* * *

Тороплюсь по весенней погоде,
Вдоль дороги цветет лебеда,
Бирюзовой рубахи разводы —
На груди дождевая вода.
Мокрый ветер несется навстречу —
Прозевавший на важный визит,
На сибирском распевном наречье
Молодецки под ухом басит.
А подлесок умытый ликует,
Забывая зимовья печаль,
Новой вольностью почек шикует...
Так и мне старых песен не жаль.

1966-1996

ПОДЛУННОЕ РАЗДОЛЬЕ

Люблю зарю, мой малый челн
(У нас зовется обласочком)
Пускаю среди желтых волн
И в песню собираю строчки.
Мы по течению втроем:
Певец, судьба и вдохновенье
По Ваху наугад плывем,
Вернее, по веленью пеня.
Пусть будет петься нам о том
Прекрасном мире единенья...
Хладеет влага за бортом,
А нам тепло порой осенней.
К нам листья падают на дно
С ветвистой раскаленной кручи.
Расшторено небес окно,
Луна выходит из-за тучи.
Заря вечерняя течет
Старинной немудреной сагой.
Луна всю ночь горит свечой
И примирения, и блага.
Поется слаженно втроем,
Под утро рано ставить точку,
Мы в три весла на обласочке
К родимой пристани плывем.

1970-1996

ПОД ПОЛОГОМ ЛЕСА

Мшистые и мягкие
 корни заплетенные
Даже днем выдумывают сны.
Пенье нежно-легкое
 под ветвями темными
Извлекаю из одной струны.

Лучиком
 под сучьями
 наиграюсь вволюшку,
подберу хорошие слова
Про кедрач
 задумчивый,
 про неясну долюшку —
Я вчера учился у волхва...

1970

БЕСЦЕННАЯ ВАЗА

И сказали мальчишке:
Продажна краса,
А богатому жить веселее.
Он не спорит
И долго глядит в небеса,
Где листья
Облаков белеют.
Дотянуться рукой,
Дописать
Черновик, исчеркать и измазать,
Чтобы дождиком слов
Напоить
И бросать
Медяки
В самотлорскую вазу.

1979

Рисованные звезды на лазури
Над утомленным тлением костра,
И низкий дым на приболотной шкуре —
Бессонница до самого утра.

Рука теряет рифму. Только голос
Находит эхо, потерявши кров —
Беззвучной паутины тонкий волос
Звучать заставит первая любовь.

И долго-долго руки неумело
Вычеркивают нужные слова
О том, что душно душам, онемела
Застывшая без рифмы синева.

Молчу о том, что мох еще не тронут,
О том, что невозможно не идти
По зыбкости тоскующей... И в омут,
Не падая, сознательно войти.

1970–1999

ПУТНИК

В одном кармане крошки хлеба,
В другом — обычная дыра,
Есть у него большое небо
В дымах безлюдного костра.

Когда он вышел на дорогу
Забот несчастий и надежд?
Когда покинул он берлогу
Во зле отъевшихся невежд?

Дожди осенние глотает,
Не проклинает никого...
И не спасает, только тает
Мечта прекрасная его.

1976

Черновики в столе, на полке,
В карманах брюк и пиджаков...
И все напрасно, все без толку,
Стих поманил — и был таков...
Освободясь от рифм — игрушек,
В тоске о главном не засну
И выберу из рассыпушек
Строку заветную одну.

168

* * *

Легко затеряться
среди пишущей братии,
Как голосу птицы
в торгашеском гаме,
Но все-таки тихо,
по собственной гамме,
Веду свою песню
мостками и гатями.

Пред нами болота,
трясины, невзгодыны,
А манят надлесные птичьи высоты.
Бежим по дощечкам —
прыжки — перелеты...
Под нашими крыльями
малая родина.

1979

* * *

Ничего, ничего для себя —
Отмечаем сознанием чаще:
День и ночь ради жизни летящей
Расточается наша судьба.

Вслед метелям на мягкий сугроб
Мы бросаем свои неудачи
И глядим, как весенние плачи
Орошают опалины троп.

Омывает назначенный путь
Половодье печали блаженной —
Только память мечты совершенной
Не советует передохнуть.

Не пугает хрипенье болот,
Ручейков, опрометчиво звонких,
Им бежать в листопады, поземки,
А потом доползать в гололед.

Оставляя бытующий плен,
В бездорожье рискованно тащим
Наши души, чтоб в ненастоящем
Совершить запредельный обмен.

До забвенья судьбе бичевой
Растворяться в бурлящей свободе...
И во льду подчиниться природе:
Ничего для себя, ничего.

2001

* * *

*«...Быть может себя самого
Я встретил на глади зеркальной?»
А.А. Блок. Двойник. 1909-1914.*

Черновики стремительная смена,
Поспешность эха в развороте строк,
Как напряжение по вздутым венам,
Желаемого воздуха глоток,
Мучительны всегда. И наизусть
Их заменяет трепетная грусть.

Поэт имеет право ошибаться
В желании наш опыт обновить —
От прожитого некуда деваться,
Но молимся возвышенной любви,
Где строфы блага именуют путь,
С которого не хочется свернуть.

Когда б Его игра с черновиками
Была сильнее исконной немоты,
Почаще бы овладевала нами
Гармония добра и красоты,
Где слабым придыханьям не бывать
И страшной тьмою красок не смывать.

Поклонимся поэтовой гордыне
За дерзкую энергию мечты,
Что и ласкает, и пугает ныне
Пред вялой неизбежностью черты
Обыденного слова. Наизусть
Читает Блока будущая Русь.

1980-2001

* * *

*«...О слезы людские,
Льетесь вы
ранней и поздней порой»
Ф. И. Тютчев.*

Видишь, сосны качаются тошние,
Низкий ельник вдали приуныл...
И стоворчивей буду, и проще я,
Если только достанет мне сил
На безумную нашу работу,
На угрюмое это житье:
То о будущем гложет забота,
То прошедшее злит бытие.
Тихо плачут березы надрезами,
Как стихами — поэты мои.
Лживый критик назвал их нетрезвыми,
Будто сам их слезами поил.
Хороша и дорога убогая
К понимаю русской души.
Антология* не онтология** —
Делать выводы, друг, не спеши.
Накопи этих сборников таинства,
Полюби этот тайный пейзаж —
Не узнаешь слияния, равенства,
Но его, как себя не предашь!

1981

* Антология - (греч.) букет цветов, сборник лучших лирических сочинений разных авторов.

** Онтология - (греч.) учение о сущем, о закономерностях бытия.

* * *

Весны сумятица.
Тревога
Полузабытых сновидений.
Вдоль-поперек
шалых течений
Непроходимая дорога.

И вздохи
в утреннем тумане
За шепотом: Не уходи!
За снегопадами дожди
На брызги солнечных желаний.

Не уходи в свои свободы
Из плена дремлющей строки,
Из-под тепла моей руки
В простор зовущей непогоды.

1992

* * *

Каждый раз с наступлением ночи
Дремлет старых часов циферблат,
И с моим дорогим одиночеством
У меня идеальнейший лад.
О, медлительность слов на бумаге,
О, запутанность правды и грез...
Написать,
как предаться отваге,
Зелье пить из улыбок
и слез!..

1993

* * *

И какое тебе дело
До моих черновиков?
Слушать мненья надоело
Социальных знатоков.
Ночь разглядывать по звездам
Без посредников учись.
Этот мир людьми не создан —
Мы лишь вписываем жизнь
Отраженного величья
В Божий подлинник красот.
Пусть его, как голос птичий
Ветер вольности несет.
Нам прощаются изъязны
Отражающей волны,
Слова с острова Буяна
В океане тишины.

1996

ЛЮБОПЫТНЫМ

Опять у скважины замочной
Дежурит пошлая наемница.
А мы вдвоем сегодня ночью:
В моих любовницах — бессонница.
Объятя трудно разжимаю,
Сажусь напротив при свечах.
Все пересуды забываю,
Судьбой пытаюсь отвечать.
А утром рукописи в ключья
Рвать помогает мне бессонница...
С кем я развратничаю ночью
Кто хочет завтра познакомиться?
1996

* * *

Теряюсь в глуши, не решаюсь оставить
На белой коре простодушных берез
Свой вензель. Зачем? Ничего не исправить:
Ни ложь бытованья, ни истину грез.

Боюсь потревожить таежные звуки,
Летаю над ягелем возле болот,
И там, где натянута древние луки,
Душа моя тихо свершает полет.

По символам редкого здесь разговора,
По краткому отблеску полуногня,
По знакам любимого мною простора
Ищите, ищите. Найдите меня.

1996

РАДУНИЦА

Звонких строк плохого каллиграфа
Торгашам понять невагогу –
Глухи дегустаторы метафор,
Близоруки,

чтобы высоту
Различать над схемами событий,
Высоту над глубиною вод,
Из которых никогда не выйти
В прошлое, что поминанья ждет.

Над определенными потоков
Времени и рек у берегов
Лишь поэты вырваны до срока
Из толпы ведомых дураков.
Слышат их лишь старики да дети,
Приближая слабости свои
К рубежу поэтовых столетий,
Где есенинские плачут соловьи.

1995-1999

НЕ ТОРОПЛЮСЬ

Там есть судьба хорошая, другая,
Здесь — просто жизнь,
С обманами и без...
Я столько раз прощаться привыкаю.
Зачем вам знать мой тайный интерес?
За поездом я медленно шагаю.
И все равно когда-нибудь прибуду
На станцию последнюю — ПРОЩАЙ.
Былое никогда корить не буду,
Пообещайте только навещать,
Опустошать граненую посуду.

1997

*«Казалось мне, что песня спета
Среди этих опустелых зал,
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это...»*

Анна Ахматова. «Наследница», 1959

Когда страдальчески немею
Среди охрипшей болтовни,
Все сознаю, что не умею
Вписаться в праздничные дни
Самодовольного презренья
К народной песне вековой
О неслучайности творенья
Души, всплეთ и живой.
Тогда перебираю честно
Страницы русских словарей
И от словесности небесной
Спешу к значению корней.
Цепляется за литер литер,
Толкнувши к прошлому меня:
Там роды, урожай, родитель,
Там род, там родичи, родня...
Народно Родина восходит
Породой радости в тиши,
Язык природы переводит
На голос родственной души.

1999

В ГУРЗУФЕ

Направив в прошлое обиды,
В небытие убогих лет,
Опять у берегов Тавриды
Я вижу благодный рассвет.

В садах столетних привиденья
Меня встречают, не страша.
И снова рвется к вдохновенью
Отягощенная душа.

Вослед мелодии рыбацкой
Спешу неопытным пловцом:
Свой голос пробую ларьякский
За крымским искренним певцом.

1986

В ЗИМНЕМ ПЕТЕРБУРГЕ 1836 г.

Внимая пасквилю,
 бездарность
Разносит отзвуки хулы,
И беззастенчиво коварность
Спешит на светские балы.

Там по велению фуршета
Клянет лирический порыв
Преображенного поэта,
Его возвышенный курсив...

Пусть волочится тень невежды
В мундире зависти глухой,
Живы поэты надежды
Народной пляскою лихой.

1999

ЗОВУЩИЙ АМФИБРАХИЙ

Послать бы тусовки блатные подальше
И праздновать редкую гордость души!..
Ума бы побольше претензиям нашим
И наглости меньше в борьбе за гроши.

Я взял бы вас в наши высокие дали,
Где птицы бесплатно и гордо поют —
Но вы бы, крича, даже им помешали,
Лишенный приличий торгаш — баламут...

Мне тайной дорогой по шепоту ветра,
По перистым стрелам седых облаков
Легко добираться до старого кедра,
До чистых восторгов и новых стихов.

1999

МИРСКАЯ БЛАГОДАТЬ

*«В стели мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа...»*
А.С. Пушкин. 1827.

Приму, как дар, случайные права
Клониться над живительным потоком
Глубокого речения пророка,
Где строфами стекаются слова
Из трех неиссякаемых ключей,
Волнуемых родными голосами, —
Утешен я неспешными часами
Таинственно разрозненных свечей.

Охваченные временем ключи
Младенчества, Восторга и Забвения
Возвышенно до самоотречения
Сливаются мелодией в ночи.
Легко покорно голову клонить,
Когда открыт немолчаливый Пушкин,
Свободу пить из деревенской кружки
И жажду понимания утолить.

1999

СВѢТ ПУШКИНСКОЙ РЕЧИ

Сквозь тьму на божий свет
Всю жизнь проносим
Стелевшие с гусиного пера
Слова, как листья в Болтинскую осень,
Которыми Московская шедла.
И все понятно до непонимания —
Как неизбывный говор родника —
Откуда идеальная строка
Берет всесиле благодатная?
Где мудрости рискованной,
 вселенской
Источники, славянской доброты?
От новгородской звучной бересты
До немоты страницы интернетской?
Нам прощые вечные несовершенство
И до и после Пушкина искать.
По глаголе всевышнего блаженства
Мы слово СВѢТ напишем через ять.

1999

СТИХОТВОРСТВО

Приходит музыка
и просит выраженья,
А чаще требует – найдутся ли слова?..
Словарь души
до головокруженья
Листает память в русских кружевах.

Союзица моя по осмысленно
Сердечных ритмов мелоса судьбы
Почти диктует все стихотворенья,
Чтоб ничего мой голос не забыл.

Хантыйский Вах
на обские просторы
Мой обласок течением несет
К излучине
рабочих разговоров
О сохранении отеческих красот.

* * *

Ни славы мне не надо,
ни наград,
Но сизмальства я дорожил
свободой.
Сто раз плевать,
что пухлый ретроград
Клянется вымыслами
природно.
Я слишком знаю нищету избы
И благодать, что пролетала мимо,
Мне никогда подачек не забыть:
Их ждать и брать —
равно невыносимо.
Дай, Господи, возможности помочь
Хоть чем-нибудь в терпении раскаленном
Голодным и раздетым в злую ночь,
Насыщенную стариковским стоном.

1999

* * *

Еще бы надо выйти через год
На перелом железного столетья,
В первоанварский выйти перелет,
Чтобы принять пятидесятилетье.
Еще бы надо, кроме пустяков
И кроме посерьезневшего пенья,
Как водится у здешних мужиков,
Набрать в дороге вечного терпенья.
Еще бы надо выплеснуть тоску
Из дорогой нестариковской фляжки,
Покуда женщин радовать могу
И восхищаться неказистой пташкой.
Еще бы надо год. А там легко
Приму чужие каверзы в награду
За то, что с детства шлялся босиком,
Неосторожно жил и больно падал.
Еще бы надо у родной земли
Касаться неба, вылетев из мрака,
Чтоб не напрасно люди нарекли
Позтом всем известного Ларьяка.

1999

* * *

Под седину твоей зимы
Ворвется память оголтело,
Как вьюга из далекой тьмы,
Куда весной летало тело.
И тяжелой ношею твоей
Сорвется плен воспоминаний...
Проходит жизнь. Спасибо ей
За свет разорванных свиданий.
И благородный непокой
Бурлит осмысленною темой
Под работающей рукой, —
И ластится бывшее время.
Ты грузен, выработан, сед,
И о тебе никто не плачет.
Но, удивив на склоне лет,
Все ж наступи на хвост удачи!

2000

* * *

Играя долго сантиментами,
Забыв про сонный циферблат
И вдохновенными моментами
Вне времени делиться рад.

Мне тень торшера косолапая
В ночи решается служить:
Тоску вчерашнюю облапила
И свет не просит потушить.

Я сочетать несочетаемость
Всю ночь пытаюсь напролет:
Страстей телесных привлекаемость
И духа ангельский полет.

За неуверенными строками
Во тьме толпятся времена...
Нравоученьями нестрогими
Пространство брызжет из окна.

2000

* * *

*«Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег...»*
А.С. Пушкин

Эпиграф прости, пушкинист,
Из мною любимого тома...
Теряю расчерканный лист
У громогласного дома.
В речениях превозносясь,
Живет в этом доме коварство,
Все пыжится прежняя мразь —
Во чреслах раздутое барство.
Распила подол киноварь
Символикой, всюду заемой,
Чтоб ползал охально кустарь
По лживой и мрачной приемной.
За лживый намек подадут
Всегда полагаемый кофе.
А то, что он — лишь атрибут,
Ему, как безбожнику, по фиг...
Виски разрывает строка.
Ах, надо бы отматериться
И выбраться из тупика,
Где восседают волчица.
Оскалы парадных дверей
Казались когда-то скромнее —
До встречи с коварством зверей
Рискованно мы не уйнем.
На улице пахнет весной,
Свистят и чирикают птицы.
От боли спешу головной
Присесть на скамью
и забыться.

2000

* * *

Проскользну торжество ударенья —
Разучился читать по слогам,
Но по тайным влетел ветеркам
На незримый порог вдохновенья,
На мучения шрифтовикам.

Выделяются трудно курсивы,
Как в подстрочниках автора речь,
Как в победе невразъяс карточек,
Как из нотной тетради мотивы,
Когда хочется предостеречь:
Важны черточки и запятые,
Преднамеренный вздох в тупике,
Будто сил не хватило руке
Или были иные причины
Сделать паузу в новой строке.

Ничего объяснять не умею —
Так рассыпались звуки в ночи, —
Вот они — распевай, бормочи.
Я устал. Надорвался. Немею...
Неужели мой почерк звучит?..

2000

ДАРОВАНО МНЕ СЛОВО

Вне слова даль черна веков,
А с добрым словом искра жизни
Без одичавшей укоризны
Нисходит до черновиков.

Я по-хантыйски начал петь,
По-русски собирая звуки
От восхищения до муки
На ваховскую гололедь.

Отцовская звучала речь
И материнская звучала...
Мне у Ларьякского причала
Два чистых голоса беречь.

Унижена, но все жива
Мелодия старинных песен,
И достигают поднебесий
Тайги весенние слова.

На материнском языке
Стихи пишу, но яркость красок
Подсказывает ханты ясанг,
Гортань разжав на кадыке.

Перекричать мне не дано
Многоязычную эпоху,
Но лирика угодна Богу,
Лгать лирикам запрещено.

Свою естественную речь
Пытаюсь крепкими корнями
Любви отца к поющей маме
Из лета светлого извлечь.

Сыновий авторский язык,
Как продолжение двухголосий,
Легко несу. Встречая осень,
Перепишу на беловик.

2000

* * *

На ступки тишины
заря плеснула утро,
И растекается понятие пути.
Приобретая тени,
быта утварь
И смыслы обещает обрести...

На дележе тоскующих
значений,
На поприсе бессмысленного дня
Важнее работяг —
озвученные тени,
Слышнее мыслей — рассуждений шепотня.

Обшаривши следы
надменно и паскудно,
Чужие замыслы
пересоздать решат —
Довольство расплескавши
до полудня,
Хрипя от злости,
под ноги спешат.

2000

ОСТАТЬСЯ СОБОЮ

Давным-давно родному краю
Известен я как ротозей:
То ключ от дома потеряю,
То адреса моих друзей.
На мир по-детски раскрываю
Свои усталые глаза,
По опыту подозреваю,
Что потерять себя нельзя.
Пока плутать на белом свете
Не надоело мне ничуть,
Могу питомцем лихолетий
На бездорожие свернуть.
Мне круг веселого сюжета
Творит январский снегопад,
Что у ларьякского поэта
Всегда найдется адресат.
И снова потерять созвучья
На вдохновении не прочь,
Пока по бездорожью мучит
Меня приветливая ночь.

2000

ПОСИДЕЛКИ

Я люблю разговоры старух
Возле старого клуба послушать:
--- Лето раньше бывало посуше...
— Громче утром горланил петух...
— Обходительней были мальцы...
— Посочней вызревала картошка...
— Ой, как вспомню покойного Гошку,
Так в ушах зазвенят бубенцы;
Вот те крест, наша свадьба была
До обжорства богатой в тридцатом, —
Он меня на покосе сосватал;
Ох и сладко за ним пожила!..

Я люблю разговоры старух,
За которыми выльются стоны
О далекой, обманной, влюбленной —
Той поре, что не высказать вслух,
И заладится песня подруг
После общих согласных упреков
Нашим дням — кабы к делу да проку,
Это так — неслышанный звук.
А вот песня народу нужней,
С разных улиц подходят послушать.
Видно, прежние нежные души
У парней и девчат наших дней.

1999

* * *

Снова торжище раскинуло рекламы:
Все вокруг меняют, продают...
В закутке торговой панорамы
Выбираю временный приют.

Что тебе, взыскательный читатель —
Потребитель, я могу вручить?
Только то, что передал Создатель
Мне по звездной музыке в ночи.

Между низким стилем и высоким
Эти звуки, будто певчих птиц,
Собирает в предутренние строки,
В клетки незвучащие страниц.

Чувства на святой кусочек хлеба
Обменяй же, сострадатель, мне,
Чтобы сил хватило выйти в небо
Словом о Ларьякской стороне.

2000

РОССИЙСКИЙ ТАРТЮФ

Провинциальные участки
В разгулах ярких новостей
На перевязанных запястьях
Бренчат подарками гостей:

Литературные бомонды,
Фуршетты, сплетни, кутежи,
Как вывески столичной моды
Для лицемерного ханжи.

Подобострастно робок в звоне
Фальшивых тостов за страну,
Он тянет грязные ладони,
Приняв за лидеров шпану,

И за купюры лизоблюдит,
И в раскорячке рабской мил,
Любя Россию на безлюдье
Средь обвалившихся могил...

Пылит дорога столбовая,
Примяты пестрые кусты,
За свистопляской завывают
Ветра, сломавшие кресты...

Зеленолиственные платья
Не заменяя на штаны,
Несут березоньки распятая
Из легендарной старины.

2001

СРЕДИ НАС

*«...И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней.»*

А.А. Блок. 1912.

И торжествующе, и тяжко
Живет на Родине поэт —
Белее дня его рубашка,
Чернее ноченьки жилет.

Услыша солнечные блики,
Разглядывая тишину,
Пьет в царстве музыки великой
Языческую старину.

Цвета и звуки смысловые
Осознаются раньше слов,
Приюты духа кочевые
Ему милее городов.

На романтических поверьях
То близок людям, то далек,
При обязательных потерях
Он бесконечно одинок.

2000

**4. «Господь! Сохрани эту женщину:
Как нежное чудо твое...»**

Хантыйская красавица	78
«Твой поцелуй не воротить...»	79
«Возле берега, с детства родного...»	80
Мастерица	81
Утро на берегу	82
«Нельзя не помнить, как прекрасны тени...»	83
«На улице белым-бело...»	84
Имя любимой	85
Старомодные страдания	86
Признание	87
«Как растает пух лебяжий...»	88
«Я тогда еще грабил восторги притворщицы...»	89
«Пусть станут муками моими...»	90
«Ничего тебе сегодня не скажу...»	91
«Еще звезда не зажигалась...»	92
«За свежескрашенной июльской оградой...»	93
Ливень	94
«Вах бледнеет в дарах листопада...»	95
Апрельский вечер	96
«Поделим всю кручинушку...»	97
Счастливая	98
На завалинке	99
«Неразумной, молоденькой птахой...»	100
По веселой дороге	101
Главное свидание	102
«За дальней чертою, у самой зари...»	103
Надо только запеть... ..	104
«Листопадов осенняя песенность...»	105
«Во тьму нарочно спрятав седину...»	106
«Ни до, ни после гляючи...»	107
Надежда	108
Любимой	109

«Какое счастье падать на колени...»	110
«Я буквами собрал...»	111
«Пожала провожавшим руки...»	112

*5. «Зари вечерней коромысло
Два озера уносит в ночь...»*

Рябине	114
«Зари вечерней коромысло...»	115
«Заря в обской воде устало брезжит...»	116
«Зима, по темным весям отреша...»	117
«По горизонту — золотая лава...»	118
На плоту	119
«Утренние звонкие лучи...»	120
«Если удача и если беда...»	121
«Из ночи выйду, позабывши все...»	122
У реки-разлучницы	123
«Ночь на лице небосвода...»	124
Самотлорские ночи	125
Предзимье	126
На теплоходе	127
Элегия чужой весны	128
...И вдруг зима	129
Утренняя песенка	130
Перед разлукой	131

*6. «Давно я знаю, что следы уносит
Весенний паводок, не отнимая память...»*

«Промасленные волны и берег торфяной...»	133
«Иду по улице знакомой...»	134
Нельзя было не навидеть	135
Родные картины	136
«Ну что ж, пускай опять обманет...»	137
«Одарившее жизнью, загнившее семя...»	138

«В том одиночестве последнего дождя...»	139
«Необходимое спокойствие души...»	140
Куда ж нам плыть?	141
«Меняем вихростое золото...»	142
«Из прошлого зазвучно свищет детство...»	143
«Торопясь, не дослушали что-то мы...»	144
«Минорную мелодию метели...»	145
Снега спешат за листопадом	146
«В комьях снега розового цвета...»	147
Родословная	148
«Проживши день, раскройте шторы на ночь...»	149

7. «Царица сцены, не буди

Мечты напрасные — измучат...»

Скрипач у Белой горы	151
«В дебрях памяти блуждая...»	152
Концерт	153
«Светлее дня на сцене той...»	154
«Я так свободен от себя...»	155
Комедиант	156
«Спит балалайка в старческих мозолях...»	157
«Я давно позабыл свою первую роль...»	158
Пойманный цивилизацией	159
Когда нет музыки	160

8. «Словарь души

до головокруженья

Листает память в русских кружевах...»

«Тороплюсь по весенней погоде...»	162
Полуночное раздолье	163
Под пологом леса	164
Бесценная ваза	165
«Рисованные звезды на лазури...»	166

Путник	167
•Черновики в столе, на полке...•	168
•Легко затеряться средь пишушей братии...•	169
•Стерильной не бывает правда...•	170
•Ничего, ничего для себя...•	171
•Черновики стремительная смена...•	172
•Видишь, сосны качаются тощие...•	173
•Весны сумятица. Тревога...•	174
•Каждый раз с наступлением ночи...•	175
•И какое тебе дело до моих черновиков...•	176
Любопытным	177
•Теряюсь в глуши...•	178
Радунца	179
Не тороплюсь...	180
•Когда страдальчески несею...•	181
В Гурзуфе	182
В зимнем Петербурге 1836 г.	183
Зовущий амфибрахий	184
Мирская благодать	185
Свет пушкинской речи	186
Стихотворство	187
•Ни славы мне не надо, ни награды...•	188
•Еще бы надо выйти через год...•	189
•Под седину твоей зимы...•	190
•Играв долго сантиментами...•	191
•Эпиграф прости, пушкинист...•	192
•Проскользну торжество ударенья...•	193
•Даровано мне слово...•	194
•На сгустки тишины заря плеснула утро...•	196
Остаться собою	197
Посиделки	198
•Снова торжище раскинуло рекламы...•	199
Российский Тартюф	200
Среди нас	201